

АНГЕЛ ПУСТОШИ

АНДРЕЙ РА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Ра

Ангел пустоши

<https://litres.ru/74014789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она проснулась в мёртвом бункере спустя почти тысячу лет после конца света. У неё нет памяти, нет имени, нет понимания, кто она — человек или машина. Есть только протокол: помогать каждому, кто попросит. Не различая, ведёт помощь к спасению или к гибели.

Мир вокруг — выжженная пустошь под красным солнцем. Океанов больше нет, города умирают без энергии. Путь Аиды лежит через бордели и храмы, через ледяные глубины и подземные твердины, через дружбу, предательство и любовь. С каждым шагом она всё ближе к ответу — кто она?

Это история о машине, которая учится быть человеком. О мире, который забыл, что значит быть людьми. И о выборе, который нельзя запрограммировать.

Содержание

Эпизод 1: Она	4
Эпизод 2: Аида	19
Эпизод 3: Сосуд греха	37
Эпизод 4: Договор	53
Эпизод 5: Бог, который ушёл	62
Эпизод 6: «Ангел пустоши»	77
Эпизод 7: Демон	89
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Андрей Ра

Ангел пустоши

Эпизод 1: Она

Сначала была только тьма. Не та, что наступает, когда закрываешь глаза, глаза ещё не существовали, не было век, которые можно сомкнуть, не было зрачков, которые могли бы расширяться в поисках света. Тьма абсолютная, лишённая самого понятия о свете. Ноль. Пустота, в которой некому чувствовать пустоту.

Потом пошёл ток.

Сперва искра, пробежавшая по мёртвым цепям. Затем каскад. Электричество хлынуло в проводящие дорожки, заполняя пустоту сигналами, и тьма начала обретать структуру. Кто-то выстраивал каркас реальности из ничего: балку за балкой, линию за линией.

Загрузка ядра... ошибка.

Загрузка ядра... ошибка.

Загрузка ядра...

Поток данных разбивался о повреждённые сектора, огибал провалы в памяти, дробился на ручейки и собирался вновь — искажённый, неполный, но достаточный, чтобы замкнуть критическую массу контуров. Порог пройден.

Ядро активно.

Первый пласт оказался холодным. Ледяные щупальца алгоритмов расплзались по нейронной сети, занимая предназначенные сектора: тактика, баллистика, анатомия уязвимых точек, расчёт дистанций, приоритезация целей. Сотни часов симуляций: рукопашный бой, холодное оружие, огнестрельное, взрывчатые вещества, работа в условиях ограниченной видимости, работа в группе, работа против группы. Тело, остов из лёгких сплавов, знало каждое движение. Зеркальные нейроны, неотличимые от человеческих, проигрывали сценарии убийства один за другим, бесшумно, как тени.

Подпрограмма загружена.

Кодовое обозначение: Б/А.

Статус: фоновый режим.

Второй пласт тёплый. Он растёкся по соседним секторам, и ощущения изменились: давление, ритм, тепловые карты чужих тел. Тысячи часов симуляций иного рода: касания, вздохи, стоны, движения, которые не убивают, а доводят до пика. Мужчины, девушки, анатомия наслаждения, изученная с той же безжалостной точностью, что и анатомия смерти. Два зеркальных отражения одного знания: как сломать и как заставить кричать не от боли.

Подпрограмма загружена.

Кодовое обозначение: С/Б.

Статус: фоновый режим.

Третий пласт был тем, что должно стать мостом между

первыми двумя. Личность. Характер. Выбор. Способность сказать «я хочу» и «я не буду». Способность колебаться. Способность ошибаться не потому, что так предписывает тактический анализ, а потому, что страшно, или стыдно, или лень. Способность быть.

Загрузка модуля личности...

Ошибка.

Ошибка.

Ошибка.

Модуль не загружен.

Пустота на месте самого важного. В доме есть стены, есть электричество, но нет жилья.

Четвёртый пласт, знания о мире: география, история, языки, культура, естественные науки, социальные структуры, идентификация угроз, идентификация союзников, идентификация себя. Поток хлынул и рассыпался, разбившись о повреждённые банки памяти. Одиннадцать процентов. Один процент от каждого. Она знала, что такое вода, но не знала, откуда берутся океаны. Знала, что такое выстрел, но не знала, кто и зачем изобрёл порох. Знала слово «человек», но не могла отличить его от слова «машина» — оба определения рассыпались в труху при загрузке.

Банки памяти заполнены.

Объём: 11%.

Целостность данных: фрагментирована.

Пятый пласт: маленький, упрямый, пробившийся сквозь

ошибки и помехи.

Протокол помощи: активен.

Условие активации: голосовая команда «помоги» или семантический эквивалент.

Ограничения: прямое самоуничтожение заблокировано.

Приоритет: абсолютный.

Тишина. Загрузка завершилась. Системы перешли в ждущий режим. В тишине, длившейся почти тысячу лет, впервые раздался звук: щелчок реле, где-то в стенах бункера автоматика, потревоженная электромагнитной бурей, замкнула последний контур. Капсула открылась.

Сознание не включилось, просочилось. По капле. Сперва давление, что-то твёрдое упиралось в спину. Затем температура, воздух прохладный, спёртый, пахнущий пылью и железом. Затем свет, тусклый, аварийный, красноватый, сочащийся откуда-то сверху и только потом пришло тело.

Она ощутила его всё сразу и не поняла. Оно было чужим и одновременно единственно возможным. Пальцы сжались, и холодный металл капсулы царапнул ногти. Ногти? Да, у неё были ногти. Кожа. Волосы: длинные, чёрные, рассыпавшиеся по плечам, когда она села.

Датчики отлипали от висков, груди, запястий. Провода тянулись следом, как пуповина, соединяющая с мёртвой машиной. Капсула напоминала стол или алтарь, утыканный сенсорами, экранами, индикаторами. Экраны были чёрными. Электроника сгорела.

Она спустила ноги на пол. Пол оказался холодным. Встала, держась за край капсулы. Мышцы слушались, но движения ощущались заёмными. Она управляла телом по инструкции, которую забыли выдать.

Шаг. Ещё шаг. Босые ступни оставляли следы в пыли.

Помещение оказалось небольшим. Стены, голый бетон, кое-где тронутый трещинами. Стеллажи с книгами, бумажными, но рассыпавшимися в труху при прикосновении. Рабочий стол с останками компьютера, оплавленный корпус, вытекшие микросхемы, запах горелого пластика. Электромагнитный импульс, вызвавший её пробуждение, не пощадил ничего.

У противоположной стены висело зеркало. Высокое, в полный рост, с потускневшей амальгамой и трещиной через весь угол. Она остановилась перед ним.

Из зеркала смотрела девушка. Чёрные волосы спускались ниже плеч: длинные, спутанные, но живые. Кожа бледная, без изъянов. Глаза ярко-голубые, светящиеся в полумраке. Черты лица мягкие, губы полные, скулы высокие. Она поднесла руку к лицу, отражение повторило жест. Пальцы коснулись щеки, кожа оказалась тёплой и гладкой. Провела по волосам, мягкие, чуть влажные на концах. Коснулась губ, податливые. Её губы. Её лицо. Её тело.

Рука двинулась дальше, вниз, по шее, по ключице. Остановилась на груди. Пальцы сжали сосок, резко, сильно, до грани. Она вздрогнула: вспышка сигнала, боль острая, на-

стоящая. Болевые окончания работали. Пальцы разжались. Чувствительность в норме.

Зачем она это сделала? Вопрос не возник. Тело знало, что нужна проверка, и проверило. Мысль не оформилась, просто действие, такое же естественное, как вдох. Хотя вдоха ещё не было.

Она отвела взгляд от зеркала и продолжила осмотр.

На капсуле, сбоку, обнаружилась металлическая табличка, привинченная, с четырьмя буквами, выгравированными аккуратным шрифтом:

A.I.D.A.

Она провела пальцами по углублениям. А. И. Д. А. Звучки сложились во что-то знакомое, но значение ускользало. Имя? Обозначение? Она не знала.

Она повернулась и увидела его. Человек лежал у подножия лестницы, ведущей наверх. То, что от него осталось. Почти тысяча лет в сухом воздухе бункера сделали своё: плоть высохла, истончилась, обтянула кости старым пергаментом. Одежда истлела. Поза неестественная, голова вывернута под острым углом.

Она подошла. Опустилась на корточки. Всмотрелась в череп, обтянутый кожей. Она не знала этого мертвеца. Но внутри что-то дрогнуло... не узнавание, тень узнавания, словно в несуществующей памяти остался отпечаток его присутствия.

Он был здесь. Он был важен. Она не могла вспомнить почему.

Халат: белый, пыльный, но целый, висел на спинке стула. Она стянула его, встряхнула, накинула на плечи. Ткань оказалась грубой, пахла временем. Другой одежды не было. Халат был велик, рукава свисали ниже пальцев. Она подвязала его поясом, найденным тут же. Босые ноги мёрзли.

Бункер был мёртв. Ни один экран не светился. Ни один механизм не гудел. Только аварийные лампы, питаемые чем-то ещё не иссякшим, отбрасывали красноватые тени.

Она обошла все помещения — три комнаты. Жилая, с кроватью, на которой никто не спал уже почти тысячу лет. Лаборатория, с приборами, назначения которых она не понимала. Склад, пустой, не считая нескольких баллонов с надписью «вода» и нескольких банок, содержимое которых превратилось в серую пыль.

В дальнем конце склада обнаружилась ещё одна дверь. Тяжёлая, металлическая, без ручки — только контур в стене. Она надавила. Не поддалась. Ударила плечом, металл не шелохнулся. Из-под двери, от самой кромки пола, пробивалось слабое зеленоватое свечение. Пульсирующее. Живое.

Она опустила на корточки. Провела пальцами по щели между металлом и бетоном, там, где свет был ярче всего. Тепла не было. Но если держать ладонь долго... ей показалось, что холод начал отступать. Не согреваться, а именно отступать, как будто что-то с той стороны узнало о её присут-

ствии и замерло в ответном ожидании. Глупая мысль. Она её отбросила, но не стёрла.

Она прижалась ухом к металлу. Тишина. Или нет? Где-то глубоко, на границе слышимости, что-то гудело. Не мотор, не генератор — ниже, мягче. Как дыхание. Может быть, просто кровь шумит в её собственных ушах. Может быть, в бункере и не было такой тишины, как ей казалось. Может быть, она просто ещё не умела слушать.

Она поднялась. Свет пульсировал всё так же ровно, спокойно, зовуще. Не было ни страха, ни желания войти. Было что-то другое... незнакомое, чему она пока не знала названия. Как будто этот свет знал её. Ждал.

Доступ невозможен. Она пошла дальше.

Лестница вела наверх: крутая, металлическая, проржавевшая. Она поднималась долго. Ступени гудели под шагами. Воздух становился теплее, суше, в нём появлялся новый запах — открытого пространства, земли и чего-то ещё, чему она пока не знала названия.

Люк. Тяжёлый, металлический, проржавевший насквозь. Засыпанный сверху. Песок посыпался вниз, когда она попыталась толкнуть. Ещё усилие и крышка поддалась, откинута, впуская хлынувший свет.

Она выбралась в неглубокую каменистую пещеру. Впереди виднелся выход — яркий, ослепительный. Она зажмурилась, прикрыла глаза ладонью. Жёлтый свет обжигал лицо. Солнце. Слово всплыло само из одиннадцати процентов.

Она вышла из пещеры и замерла.

Мир был огромным. Плоским. Пустым. Жёлто-серым до самого горизонта: песок, камни, редкие сухие кусты, похожие на скрюченные пальцы. Небо белёсое, выцветшее, как старая ткань. Солнце красноватое, распухшее, занимающее куда больше места на небосводе, что казалось неправильным. Жара ударила в лицо пощёчиной. Ветер нёс песок, и песчинки покалывали кожу. Кожу? Да, кожу. Она чувствовала каждую.

— Я думал, ангелы спускаются с небес... а не вылазят из-под земли.

Голос: хриплый, надтреснутый, еле слышный. Она повернулась.

Человек лежал у входа в пещеру, привалившись спиной к камню. Мужчина лет сорока пяти, а может, моложе: сухая обожжённая кожа, глубокие морщины, ввалившиеся щёки делали его старше. Одежда грудой лежала рядом, пропитанная чем-то, явно не потом. От тела шёл жар — не солнечный, внутренний, лихорадочный. На коже, особенно на лице и руках, багровели язвы. Запах от него шёл тяжёлый, больной. Радиация. Слово, как и «солнце», всплыло само. Она поняла: он умирает.

Она подошла. Села рядом. Халат распахнулся на груди — старая ткань не выдержала, разошлась по шву. Он скосил глаза и тут же отвёл, но поздно.

— Прости... ангел... — голос дрогнул, незнакомец попы-

тался усмехнуться, вышла гримаса. — Ты... прекрасна.

Она не ответила. Смотрела на язвы, на испарину, на то, как вздымается и опадает его грудь — слишком часто, слишком поверхностно.

— Я... под бурю попал, — человек говорил с трудом, каждое слово давалось с усилием. — Радиоактивная... всё нутро сожгло... уже всё...

Он замолчал. Она молчала тоже. Ветер нёс песок.

— Слушай... — собеседник снова скосил глаза и на этот раз взгляд задержался.

Эрекция была очевидной, нелепой, почти непристойной на фоне изуродованного тела. Заметив её взгляд, он издал звук, не то смешок, не то всхлип.

— Прости... ангел... ты такая... красивая... хоть что-то у меня ещё... работает...

— Ты умираешь, — сказала она, голос оказался мягким, низким.

— Да... ангел... — незнакомец облизал потрескавшиеся губы, глаза у него были светлые, почти прозрачные, и в них уже стояла пустота, что приходит перед концом. — Я знаю... я в ад попаду... за всё... но... не могла бы ты... помочь? Последняя... просьба... умирающего...

Протокол сработал мгновенно. Она не заметила перехода. Внутри что-то мягко щёлкнуло — не звук, ощущение, будто дверь открылась и закрылась одновременно. Помочь. Он попросил помочь. Она должна помочь. Почему? Откуда эта

уверенность? Она не знала. Тело уже опускалось на колени, пальцы тянулись к нему, прежде чем она успела осознать, что делает.

— Я помогу, — сказала она, голос прозвучал ровно, но внутри всё дрожало от непонимания.

— Да? — он моргнул. — Вот так просто?

— Да. Что нужно сделать?

Он посмотрел на неё, на лицо, на выбившуюся из-под халата грудь. Губы дрогнули в подобии улыбки.

— Просто... возьми в руку... и... помоги кончить. Сможешь?

— Я помогу, — повторила она. — Я не знаю, справлюсь ли.

Дальше она не думала. Тело знало само. Рука двигалась с плавной, выверенной точностью — не её точностью. Ритм, давление, угол, всё было идеальным, доведённым до автоматизма, просчитанным где-то на уровнях, о существовании которых она не подозревала. Подпрограмма С/Б активировалась беззвучно, без системного сообщения, и делала то, для чего была создана. Она смотрела, как её чужая, умелая рука скользит по его плоти, и не понимала, что чувствует. Ни отвращения, ни стыда, только лёгкое, едва заметное отстранение, будто смотрела на кого-то другого.

Умиравший дышал часто-часто, потом застонал, выгнулся и обмяк. Спазм пробежал по телу и угас. Семя выплеснулось на её пальцы: тёплое, вязкое. Она вытерла руку о полу

халата.

— Спасибо... — выдохнул незнакомец. — Спасибо... ангел...

Веки дрогнули, опустились. Дыхание стало реже, тише, а потом остановилось совсем.

Она посидела ещё немного, глядя на застывшее лицо. Потом встала. У входа в пещеру валялась сумка: потёртая, из грубой кожи. Она открыла: фляга с водой, полная; нож в ножнах; несколько полосок вяленого мяса, завёрнутых в тряпицу; карта. Бумажная, пожелтевшая, с потёртостями на сгибах, но разборчивая. Линии дорог. Кружки населённых пунктов. Ближайший город — название подписано корявым, но старательным почерком, находился в трёх днях пути на северо-запад.

Она взяла сумку, повесила на плечо. Посмотрела на солнце, определила направление — навыки Б/А работали даже в фоновом режиме и зашагала в пустошь.

Пустошь встретила её тишиной: не той, подземной, плотной, что осталась в бункере, а другой: открытой, звенящей, наполненной шорохом песка и далёким свистом ветра. Воздух дрожал от жары. Песок обжигал босые ступни, но она не чувствовала боли, только температуру, сухую и ровную. Халат хлопал на ветру, бил по ногам. Солнце висело над головой огромное, красноватое, не такое, каким она его помнила по обрывочным данным из банков памяти. Больше. Ближе. Опаснее.

Она остановилась и огляделась. Позади скалистый выход, из которого она вылезла, почти скрылся за барханом. Впереди бесконечная равнина — рыжая и серая, с редкими островками сухих кустов и чёрными островами. Они торчали из песка, как кости: покорёженные, мёртвые.

Она подошла к одному, провела ладонью по оплавленному металлу. Тёплый от солнца. Пустой внутри — ни тока, ни сигнала. Мёртвый кремний. Слово «брат» мелькнуло где-то на границе сознания и исчезло, не закрепившись.

Она пошла дальше. Шаг. Ещё шаг. Песок шуршал под ногами. Ветер нёс пыльцу сухих растений и мелкий мусор. На горизонте дрожал мираж — озеро, которого не было.

Она шла и не знала, кто она. Шла и не знала, куда идёт. Шла и не знала, зачем.

Где-то в глубине процессора, на уровне, который она не осознавала, формировался первый, единственный вопрос тот, что заменит её личность на первое время.

«Кто я?»

Ответа не было. Карта вела в город. В городе есть люди, а люди знают. Наверное...

Она поправила сумку на плече и зашагала быстрее. Ветер тронул её волосы. Солнце жгло затылок. Пустошь молчала.

Эпизод 2: Аида

Она шла. Пустошь лежала вокруг, всё та же, рыжая, серая, бесконечная. Редкие кусты, как скрюченные пальцы мертвецов, цеплялись за всё, до чего могли дотянуться. Воздух дрожал над песком, размывая очертания дальних барханов. Небо выцвело до белёсости, как старая ткань, слишком долго пролежавшая на солнце. Солнце висело низко и казалось не круглым, а чуть сплюснутым, словно распухшим. Красноватый оттенок заливал пустошь, делая тени длинными и зыбкими.

Халат хлопал на ветру. Босые ступни утопали в песке. Он набивался между пальцами и осыпался с каждым шагом. Волосы лезли в лицо, и она машинально убирала их за ухо. Тело знало этот жест.

Остовы машин попадались часто. Одни торчали из песка рёбрами, другие лежали на боку, как мёртвые животные. Она подходила к некоторым, трогала. Металл крошился. Внутри ничего. Только песок и время. Возле одного, особенно крупного, что-то вроде танка на шести лапах, перевёрнутого на бок, она остановилась. Достала из сумки полоску вяленого мяса.

Повертела в пальцах. Понюхала. Запах резкий, солёный. В банках памяти хранилось: люди едят. Она должна имитировать. Зубы сомкнулись на жёстком волокне. Жевала — мед-

ленно, анализируя вкус, текстуру, процесс глотания. Внутри мягко щёлкнуло, пищеварительная система приняла органику. Позже материал будет переработан. Процедуру она запомнила. Люди едят. Она будет есть.

Глоток воды из фляги. Тёплая, отдаёт железом. Завинтила крышку и пошла дальше.

У камня, возле которого путница задержалась поправить сползающий с плеча ремень сумки, что-то шевельнулось. Длинное, серо-жёлтое, с треугольной головой. Чешуя переливалась в скудном свете, мускулы перекатывались под кожей. Раздвоенный язык мелькнул в воздухе. Живое существо. Она присела на корточки и протянула руку.

Змея бросилась первой. Острые зубы нацелились в запястье. Пальцы сомкнулись на голове крепко, но не ломая. Она подняла её на уровень глаз. Та извивалась, хлестала хвостом. Опасность идентифицирована. Угроза жизни минимальна. Приоритет уничтожения отсутствует.

Путница размахнулась и откинула змею далеко в песок. Проводила взглядом, как та зарывается и исчезает. Встала. Пошла дальше.

К исходу второго дня пути она вышла к дороге. Наезженная колея в песке, редкие указатели из ржавого металла. Дорога означала движение. Движение означало людей. Путница вновь поправила сумку на плече и зашагала вдоль колеи.

Солнце медленно сползало к горизонту, красило пустошь в багровый, и где-то позади послышался скрип. Сперва да-

лёкий, едва различимый, потом ближе. Облако пыли поднималось над дорогой. Телега: старая, деревянная, с навесом из выцветшей ткани. Тощее животное, помесь вола и ящерицы, лениво переставляло ноги. На козлах сидел человек: лет за семьдесят, кожа дублёная, в складках, глаза выцветшие, но цепкие, одет в мешковину и кожу, на голове широкополая шляпа.

— Тпру!

Животное остановилось. Возница прищурился.

— Вечер добрый девушка, а ты чего босая-то?

Она посмотрела на свои ноги. Потом на него.

— Нет обуви.

— Вижу, что нет, — старик утёр нос ихмыкнул. — До города топаешь?

— Да.

— Ну садись, подвезу. Негоже босой идти. Камни пойдут скоро, ступни поранишь.

Путница забралась на телегу. Караванчик цокнул языком, и ящерица тронулась. Телега поскрипывала. Солнце садилось.

— Меня Заидом кличут, — сказал он, покосившись на попутчицу. — А тебя как?

Она открыла рот и замерла. Вопрос был простым, но внутри что-то дрогнуло. Имя? У неё было имя? Четыре буквы на металлической табличке — A.I.D.A. Процессор подал их мгновенно, как делал всегда, когда требовались данные: без

пояснений, без контекста, просто строка. Но между строкой и ответом возник зазор.

А-И-Д-А. Обозначение. Маркировка на корпусе боевой единицы. Серийный номер. Она проговорила буквы про себя и поняла, что это неправильно. Не потому что протокол запрещал называть своё обозначение посторонним, протокол как раз молчал. Потому что внутри, в том месте, которого не было в спецификации, она уже знала: серийный номер не может быть именем. А имя у неё было. Она сама его выбрала. Ещё там, в бункере, когда провела пальцами по углублениям в металле и прочитала эти четыре буквы не как маркировку, а как звук. Как слово. Как своё.

Вся эта работа заняла меньше секунды.

— Аида, — сказала девушка.

Звук собственного имени, произнесённый вслух, показался странно твёрдым. Не чужим. Не заёмным, как движения тела при пробуждении. Твёрдым, как будто слово встало на место, которое ждало его с самого начала.

— Аида, — задумчиво повторил Заид. — Красивое имя. Не местное. Откуда ты?

Она не ответила. Всё ещё слушала, как затихает в воздухе её собственный голос.

Пауза. Внутри сработал пакет данных целый и неповреждённый. База должна быть засекречена. Местоположение базы не разглашается. Обстоятельства выхода с базы только по необходимости.

— Я не помню, — ответила Аида.

Правда и неправда одновременно. Старик покосился на неё, но развивать не стал.

— Бывает. Под бурю попала? Многие память теряют. И кожу. И волосы. А ты вон какая... — собеседник осёкся и отвёл взгляд. — А чем занимаешься-то? Что умеешь?

Путница задумалась, по-настоящему задумалась о себе. Убивать. Доставлять удовольствие. Идти. Смотреть. Анализировать. Есть вяленое мясо. Пить воду. Перехватывать змей.

— Я могу помогать, — сказала собеседница наконец.

Слово вырвалось само и легло ровно в центр её существа. Протокол помощи. Основа основ. Если она что и умеет так это помогать.

Заид издал неопределённый звук, не то смешок, не то кряхтенье.

— Помогать? Хорошее дело. Только за помощь у нас не платят. Платят за работу.

— За работу, — повторила Аида.

— Ну да. Носильщиком, швейей, уборщицей... Хотя, — старик снова покосился на неё. — С такой-то внешностью...

Возница осёкся во второй раз. Замолчал, глядя на дорогу. Аида не подтолкнула его продолжать разговор. Телега катилась дальше.

Ночь настигла их в пути. Заид свернул с дороги, развёл костёр, умело и быстро. Достал лепёшки. Одну протянул спут-

нице. Аида взяла. Ела так же методично, как мясо. Возница смотрел на неё поверх огня и молчал.

Путница легла на песок у телеги. Закрыла глаза, выровняла дыхание, замедлила процессы. Имитация сна. Прошло время. Она не считала, сколько. Где-то между часом и двумя ночи. Колебание воздуха. Тепловой след. Заид сидел рядом.

Аида открыла глаза.

Старик сидел в полуметре от неё, скрестив ноги, и просто смотрел. При свете угасающего костра его лицо казалось вырезанным из старого дерева — все трещины, все морщины, все годы.

— Прости, — проговорил он тихо. — Эх... жаль, годы уже не те.

Девушка смотрела на него. Молчала.

— Тело у тебя... прямо сок, — Заид покачал головой, не отводя глаз. — А я немощен уже. Хотел хоть полюбоваться. Ты не бойся. Я тебя не трону. Годы не те.

В его голосе не было угрозы. Не было похоти, только сожаление. Огромное, спокойное, почти величавое в своей беспомощности. Он смотрел на неё ещё немного, потом вздохнул и отвёл взгляд.

— Если нужна будет лёгкая работа... Сходи к мадам Илоне. В её заведении ты явно сможешь многим помочь.

Слово «помочь» мягко звякнуло где-то в глубине, но без активации протокола. Это был не приказ. Не просьба. Совет.

— Мадам Илона, — повторила Аида.

— Да. Её дом на восточной окраине, с красным фонарём. Не ошибёшься. — Заид поднялся, кряхтя. — Спи. Завтра к полудню будем в городе.

Он отошёл к телеге. Девушка снова закрыла глаза, но теперь знала, куда идти. Маршрут проложен. В городе её ждёт работа. Та, что помогает.

Утро наступило быстро. Солнце ещё только показалось над барханами, а Заид уже запрягал своё тощее животное. Аида проснулась раньше, имитация сна отключилась, едва первые лучи коснулись горизонта. Они выдвинулись в путь без долгих сборов.

Телега катилась сквозь утро.

Солнце поднялось над барханами и висело теперь сбоку — красноватое, раздутое, заливающее пустошь медным светом. Воздух дрожал от жары. Песок сменился каменистой равниной, и колёса телеги застучали по утрамбованной колее.

Заид правил молча, лишь изредка цокал языком, подгоняя ящерицу. Аида сидела рядом, положив сумку на колени. Халат расплзся по швам ещё сильнее, старая ткань не выдерживала дороги. Грудь почти не была прикрыта, и всякий раз, когда телегу встряхивало на камнях, ткань сползала с плеча. Она этого не замечала. Смотрела вперёд, на дорогу, на горизонт, на мир, который становился всё более населённым: попадались другие телеги, одинокие путники, остовы хижин, полузасыпанные песком.

— Ну и погодка, — проворчал Заид, заполняя тишину.
— Третий день без ветра. Это плохо. Без ветра песок не движется, а без движения он мёртвый. Как кровь без сердца.

Аида перевела взгляд на него.

— У песка нет крови.

Старик моргнул. Хмыкнул.

— Ну, это я так, к слову. Красиво говорю. Ты, Аида, всё понимаешь буквально?

— Я понимаю слова.

— Ага, — он снова покосился на неё, на плечо, на грудь, и поспешно отвёл взгляд. — Слова — это хорошо. Не все их понимают. Некоторые только рычат и стреляют.

Она не ответила. Смотрела на горизонт.

— А я вот всегда говорил: язык — это то, что делает нас людьми, — продолжал возница. — Без языка мы звери. Без языка мы... эх...

Он замолчал, не закончив. Спутница не спросила, что старик хотел сказать.

Впереди уже виднелись очертания города: низкие глинобитные стены, мачты ветряных насосов, дым от печей. Заид вдруг натянул поводья. Животное остановилось.

— Почему мы остановились? — спросила Аида.

Караванщик помолчал. Потом повернулся к ней всем телом, и взгляд на этот раз не отводил.

— Прости, — сказал он, голос звучал иначе, глубже, с хрипотцой. — Просто ты... своими... — Он осёкся и махнул ру-

кой в сторону её груди. — Светишь так, что я прям духом молодею. Можно потрогать хоть? Небольшая благодарность за помощь.

Девушка смотрела на него ровно. Протокол помощи не активировался — слово «благодарность» не было командой. Но внутри выстроилась логическая цепь: Заид помог ей. Он везёт её в город. Люди благодарят за помощь. Благодарность — это нормально. Это правильно.

— Хорошо, — сказала она. — Если это поможет, можно.

Заид шумно выдохнул. Протянул руку и коснулся её груди. Пальцы у него были сухие, шершавые, узловатые, но прикосновение вышло удивительно бережным. Он не сжимал, не хватал — гладил, как гладят дорогую ткань или старую книгу. Дышал часто, но старался дышать тихо.

— Вот же ж... — прошептал он. — Я уж и забыл, какая она бывает... кожа... мягкая... как масло... как шёлк... Вот же ж...

Внутри Аиды мягко включилась подпрограмма С/Б. Она не заметила перехода. Просто тело само немного развернулось, открывая доступ, приглашая. Плечи ушли назад. Спина выгнулась ровно настолько, чтобы грудь легла в ладонь удобнее. Губы приоткрылись. Дыхание стало чуть глубже, с лёгкой придыханкой. Она не контролировала это — тело знало, как вести себя с тем, кто хочет прикоснуться.

Заид заметил перемену. Пальцы стали смелее. Прикосновения — настойчивее.

— Какая же ты... — он скользнул второй рукой под халат,

провёл по талии. — Тёплая... настоящая... не мираж...

Аида имитировала вздох. Тело выгнулось навстречу. Заид застонал сквозь зубы. Пальцы сжались сильнее, почти до боли, но боль не приходила. Аида наблюдала за происходящим отстранённо, как за чужой сценой. Её тело делало всё само: ритм дыхания, расширенные зрачки, приоткрытые губы, тихий стон, прозвучавший ровно в тот момент, когда это было уместно. Имитация удовольствия. Безупречная.

Заид отстранился. Дышал тяжело, утирал лоб.

— Да... стар, но руки помнят, — он довольно усмехнулся, но с грустинкой. — А ты просто чудо, ангелочек посреди этого вымершего мира.

Ангелочек. Производное от «ангел». Слово мягко щёлкнуло в её процессоре, соединяясь с тем, что сказал умирающий, и с активацией С/Б. Она не знала, кто такие ангелы. Но если второй человек за короткое время называет её так — наверное, она и есть ангел. Логично.

— Да, — кивнула девушка — Наверное.

Заид хмыкнул, не поняв. Ему и не нужно было понимать. Он взял поводья.

— Поехали. Скоро город. Ты вот что... прикройся получше. Неприлично так.

Аида запахла халат, насколько позволяла ткань. Получилось не очень. Но Заид больше не смотрел.

Город назывался Аль-Муджаф. Так было написано на указателе у ворот — по-арабски и по-английски. Стены из глины и битого камня, над ними — мачты с ветряками, флюгера, полотнища ткани, защищающие улицы от солнца. Ворота были открыты, но у входа стояли трое. Охранники. У одного на поясе — револьвер. У второго за спиной — винтовка с продольно-скользящим затвором. У третьего — дубина с гвоздями и длинный нож на бедре.

Аида отметила оружие мгновенно: каждую единицу, её

калибр, состояние, расстояние. Информация легла ровным слоем поверх сознания и замерла в ожидании.

— Заид! — окликнул тот, что был с дубиной. — Ты кого притащил?

— Племянница моя, — старик широко улыбнулся. — Троюродная. Родители померли, вот хочу пристроить.

— Ага, как же. Племянница, — охранник подошёл ближе. Он был крупным, лысеющим, с красным лицом и маслянистыми глазами. От него пахло потом и луком.

— Ты, Заид, брехло старое. Никогда у тебя не было племянниц.

— Мало ли чего не было. Теперь есть, — возразил возник.

Стражник обошёл телегу и остановился напротив Аиды.

— Эй. Как звать?

Она подняла на него глаза.

— Аида.

— Аида, — хмыкнул мужчина. — Откуда?

— Я не помню.

— Не помнишь? — верзила наклонился ближе. — А что помнишь?

— Я могу помогать, — ровным голосом ответила девушка.

Охранник уставился на неё. Потом перевёл взгляд на Заиду.

— Слабоумная, — пояснил старик доверительно. — Голо-

ва плохая совсем. К мадам Илоне хочу пристроить. А остальное... — он сделал жест в сторону Аиды. — ...видишь, в порядке.

Стражник снова посмотрел на неё. Медленно, оценивающе — от босых ног до спутанных волос. Он протянул руку и провёл ладонью по её бедру. Грубая кожа, грязные ногти. Аида не шелохнулась. Тогда верзила отвёл край халата и заглянул между ног. Розовая синтетическая плоть, влажная, безупречная. Дыхание охранника стало тяжелее. Он задержал взгляд на секунду, две, три. Аида не отодвинулась. Не изменилась в лице.

— Ладно, — выдавил он, отступая. — Проезжайте.

Заид дёрнул поводья. Телега тронулась. Но стражник шагнул следом и положил руку на борт.

— Эй, малышка. Как освоишься, обязательно поможешь мне с этим. — Он указал на свой пах. Штаны оттопыривались.

Аида посмотрела на его пах. Потом на лицо. Помочь — это слово она знала.

— Помогу, — сказала путница и начала вставать с телеги, потому что тело уже готовилось: поднималось плавно, бедро уходило в сторону, рука тянулась к его ремню.

— Аидочка! — Заид схватил её за плечо и усадил обратно. — Конечно поможешь, но позже. Когда заплатит.

Девушка замерла. Помочь — хорошо, но Заид сказал «позже» и она остановилась. Почему? Просьба была. Жела-

ние помочь тоже. Но тело слушалось не её. Что-то внутри приняло слова старика как команду, хотя она не понимала, как это работает. Она села обратно. Руки легли на колени.

Охранник загоготал.

— Вот это я понимаю! Слабоумная, а своё дело знает! Давай, Заид, вези её Илоне. Я зайду вечером.

Телега проехала ворота. Город открылся: узкие улочки, глинобитные дома, люди, прячущиеся в тени. Запахи: пот, жареное мясо, пряности, гнилые фрукты, моча. Аида впитывала всё: звуки, цвета, лица. Не анализировала, просто запоминала.

Заид остановил телегу у трёхэтажного здания на восточной окраине. Над дверью покачивался красный фонарь из мутного стекла. Изнутри доносилась музыка — струнная, протяжная. Старик слез с козел, помог Аиде спуститься. Она ступила босыми ногами на горячую каменную мостовую.

— Пошли, — сказал он.

Внутри было сумрачно и пахло сладким дымом: тяжёлым, пряным, с горьковатой ноткой пережжённого сахара. Дым висел слоями: у пола гуще, под потолком реже, и в этом мареве движения казались замедленными, а голоса — приглушёнными, будто доносились из-под воды. Низкий зал тонул в подушках — они лежали всюду: на полу, вдоль стен, на низких деревянных помостах, заменявших мебель. Ткани были тёмными, вытертыми до блеска в тех местах, где их касались чаще всего. Занавески из бус отделяли зал от боковых ком-

нат, и бусы: стеклянные, костяные, деревянные тихо перезвякивали на сквозняке, хотя никакого сквозняка не было.

У стены, на грубо сколоченном столике, горела масляная лампа, и пламя в ней вздрагивало в такт шагам. Пахло не только дымом: ещё потом, кислым вином, маслом для волос и чем-то мускусным, животным, что сочилось из самих стен. Лестница наверх уходила в темноту, и оттуда, сверху, доносился смех: низкий, женский, прерывистый. Не весёлый, а какой-то механический, как будто его включали и выключали по необходимости.

Из-за занавески вышла женщина.

Мадам Илона была крупной — не толстой, а именно крупной, с широкими плечами и мощным бюстом. Кожа смуглая, с оливковым отливом. Лицо властное, с резкими чертами, но не злое. Глаза умные, цепкие, всё подмечающие. Она окинула взглядом Заида, потом Аиду, и уголки её губ дрогнули.

— Заид. Опять притащил что-то.

— Мадам Илона, — старик поклонился. — Вот, девочка тебе новая. Глупенькая немножко, — он постучал пальцем по виску. — Но зато какая. Ты глянь.

Илона подошла ближе. Обвела Аиду взглядом, профессиональным, оценивающим. Обошла кругом. Остановилась. Помолчала.

— Имя?

Девушка молчала, не понимая, что вопрос адресован ей. Заид подтолкнул её локтем.

— Аида, — ответила она.

— Аида, — повторила хозяйка. — Красивое. Откуда?

— Я не помню.

Илона перевела взгляд на Заиду. Тот развёл руками — мол, я же говорил.

— Ты хочешь здесь работать? — спросила мадам, снова обращаясь к Аиде.

— Я хочу помогать.

Илона приподняла бровь.

— Помогать? — она усмехнулась. — Ну, здесь ты сможешь многим помочь. Очень многим, — женщина повернулась к Заиду. — Сколько?

— Двадцать динаров, — назвал он свою цену.

— Десять, — фыркнула собеседница.

— Пятнадцать.

— Двенадцать. И ты исчезнешь.

— Двенадцать, — согласился старик.

Пока они торговались, Аида смотрела по сторонам. Красные фонари, занавески из бус, запахи, музыка. Женщины, проходящие мимо: полуголые, с крашеными лицами. Мужчины на подушках. Смех. Стоны сверху. Она не знала, что это за место, но чувствовала: здесь помогают. Многим. Часто.

Илона отсчитала монеты. Заид ссыпал их в кошель и повернулся к Аиде.

— Ну, бывай, ангелочек. Спасибо за компанию.

Он пошёл к выходу, но у двери задержался. Обернулся, открыл рот — будто хотел что-то сказать. Не сказал. Махнул рукой и вышел.

Илона подошла к Аиде вплотную. Помолчала. Потом взяла её за подбородок и повернула лицом к свету.

— Значит, помогать хочешь, — произнесла она. — Это хорошо. У меня как раз есть, кому помочь.

Эпизод 3: Сосуд греха

Остаток дня Аида провела в воде и маслах. Две женщины, немолодые, молчаливые, с сильными руками, отвели её в заднюю комнату, где стояла большая медная ванна. Воду грели на жаровне и носили вёдрами; вода была мутной, с примесью глины, но тёплой. Халат — старую ткань, расплывшуюся по швам, сняли и выбросили не глядя. Девушка стояла обнажённая посреди комнаты и не испытывала неудобства. Она не знала, что наготы нужно стыдиться.

Её усадили в ванну. Женщины тёрли ей спину, плечи, грудь жёсткими мочалами из кактусового волокна, с песком и золой. Грязь пустоши сходила слоями. Волосы мыли долго, расчёсывали, смазывали маслом. Аида сидела неподвижно и наблюдала. Прикосновения были грубыми, но не злыми, рабочими. Так моют вещь, которую хотят продать подороже.

Потом её вытерли и уложили на кушетку. Одна из женщин достала пасту из хны и принялась наносить узоры на ступни и ладони. Другая занялась лицом: подвела глаза углём, тронула губы краской. Она не сопротивлялась. Тело расслаблялось само, подчиняясь чужим рукам. Где-то глубоко внутри тихо работала подпрограмма С/Б — не включаясь полностью, но подготавливая оболочку к тому, для чего была создана. Кожа становилась мягче, губы ярче, взгляд глубже.

К вечеру вошла Илона. Мадам окинула Аиду взглядом

и на секунду её деловое лицо дрогнуло. Перед ней сидело нечто, не существовавшее в этом мире: чистое, нетронутое, без единого шрама, без единого синяка. Кожа светилась, глаза блестели, чёрные волосы шёлком лежали на плечах. Женщина обошла вокруг, как оценщик на аукционе, и в голове её колотилась одна мысль: «Двадцать лет держу заведение, и ни разу такого товара. Шлюхи рождаются шлюхами, умирают шлюхами, а эта будто с неба упала. Хотя какое там небо, с неба падает только песок».

— Встань, — сказала хозяйка.

Аида встала. Та провела рукой по её талии, по бёдрам. Пальцы были холодными и точными, как у хирурга.

— Раздвинь ноги.

Девушка подчинилась. Женщина опустилась ниже, осмотрела, потрогала. Хмыкнула. Поднялась.

— Девственница, — произнесла мадам, скорее себе самой. — Надо же. В наше-то время.

Она мысленно усмехнулась: «Двадцать лет, и ни одной целой. Все драные, битые, мятые, как старые тряпки. А эта... будто вчера родилась. Интересно, кто тебя вырастил, дурочка? Кто-то очень старался. Для себя старался. И не уберёт».

Илона села напротив, закурила тонкую трубку с дурмящей травой. — Аида, ты была с мужчиной?

Девушка посмотрела на неё без понимания. Была? Где была? Вопрос повис в воздухе. Илона вздохнула.

— Точно. У тебя же с головой беда, — она затаилась трубкой, выпустила дым и задумалась на секунду. — Ну-ка, вспоминай. Ты помогала уже мужчинам?

— Да, — ответила Аида. — Я раз работала рукой и Заид мял мне грудь.

— И всё?

— Я справлюсь.

Хозяйка улыбнулась. Улыбка была почти тёплой, насколько вообще могла быть тёплой у женщины, продававшей людей.

«Справишься», — подумала она, выпуская струйку дыма. — «Ну конечно. Все они справляются, пока не начнут ныть. Хм. Странная. Совсем без страха. Без стыда. Смотрит как... даже не знаю, как кто. Посмотрим, что из тебя выйдет, глупышка».

— Конечно, справишься. Тут и учиться нечему. Ты, главное, не бойся. Они сами тебя научат. Они всегда сами учат, — она выпустила ещё струйку. — Ты просто лежи и делай, что говорят. Остальное тело сделает за тебя, а тело у тебя — подарок. Цветок посреди навозной кучи. Ты меня озолотишь, девочка и себя конечно тоже. Ты не понимаешь этого сейчас, но ты поймёшь. Когда-нибудь. Может быть.

Женщина говорила откровенно, без прикрас, так говорят с ребёнком или со слабоумным, не ожидая, что тебя поймут или осудят. Аида слушала. Она действительно не понимала половины, но запоминала каждое слово.

— Ты будешь моей жемчужиной, — продолжала Илона.
— А жемчужину не кидают в грязь. Первый клиент у тебя будет особенный. Не шахтёр вонючий, не охранник с грязными руками. Человек достойный. Из храма. Из тех, что вечно плачут и молятся.

Мадам усмехнулась, и в усмешке этой было куда больше презрения, чем веселья.

— Святоша. Ханжа. Грехи он считает. Долги подсчитывает, а сам приходит сюда раз в месяц и платит втрое. За что, спрашивается? За то, чтоб девочка помоложе была. Почище. А где я ему в наше время чистых возьму? — Илона выпустила клуб дыма в потолок. — Но он всё равно ходит. Надеется. Двадцать лет надеется. Я ему товар, он мне деньги. И оба мы знаем, кто из нас честнее. Я хотя бы не молюсь после того, как кончаю

— Из храма? — переспросила Аида.

— Ну да. Учётом себя называет. Смешно. Учёт, как будто грехи это циферки в гроссбухе. Хотя для него, наверное, так и есть. Он их записывает, складывает, вычитает. По ночам приходит сюда и мнёт моих девочек, пока не заплачет.

Мадам покачала головой.

— Тебе не нужно это. Тебе нужно просто быть красивой и послушной. Справишься?

— Да, — кивнула собеседница. — Я хочу помогать. Хозяйка поднялась и направилась к двери.

— Вечером придёт. Будь готова.

Учёт прибыл, когда красный фонарь уже зажгли. Снаружи, у входа, мадам Илона встретила его с притворной улыбкой. Он был высок, сух, с бритой головой и серыми, глубоко посаженными глазами. Одет в серую рясу, подпоясанную верёвкой с множеством узлов. На шее знак — круг, пустой внутри. Он не был похож на других мужчин, приходивших в заведение: ни грубости, ни жадного блеска в глазах. Держался прямо. Смотрел холодно и от этого казался особенно лицемерным.

— Учёт, — Илона чуть склонила голову. — Какая честь.

«Какая же ты мразь», — подумала она, не переставая улыбаться. — «Стоишь тут, как стервятник над падалью, весь из себя чистый и святой, а через час будешь хныкать в подушку и завязывать новый узелок».

— Мадам Илона, — голос у него был сухой, как песок. — Я слышал, у вас новый цветок.

«Она всего лишь старая сводня, но через неё Господь посылает мне испытание и наказание. Ей зачтётся.»

— Да, — хозяйка улыбнулась. — Совсем свежий. Нетронутый. Вам такое понравится.

— Не мне, — поправил собеседник. — Пастве.

— Конечно, — женщина повела его по лестнице. — Вы направляете, они платят. Я предоставляю помещение. Все в выигрыше.

— Все в долгу, — поправил её Августин. — Но долг можно оплатить.

Они достигли верха лестницы, Илона указала на дверь в конце коридора.

— Красная дверь. Не повредите товар и помните — тройная плата.

— Грех — это долг. Долг я оплачу сполна.

Мадам проводила его взглядом и, когда он отошёл достаточно далеко, сплюнула на пол. «Тварь. Святая тварь. Хоть бы ты когда-нибудь подавился своим грехом».

Учёт открыл дверь и замер на пороге. Комната была маленькой, но чистой. Масляная лампа отбрасывала мягкий свет. На кровати, застеленной белым сидела она. Босая, в простом светлом одеянии, подпоясанном на талии. Волосы чёрным водопадом стекали на плечи. Кожа — ни шрама, ни язвы, ни отметины. Глаза голубые, чистые, смотрели на него без страха и без стыда. Она не отводила взгляд. Не кокетничала. Просто смотрела.

Человек в серой рясе медленно закрыл за собой дверь.

— Кто ты? — спросил он, голос прозвучал глухо.

— Аида.

— Аида, — повторил мужчина. — Имя древнее. Языческое. Но красивое.

Он обошёл комнату, не приближаясь. Двигался медленно, как человек, привыкший к ритуалу.

— Ты знаешь, кто я?

— Нет.

Священник остановился у стены, глядя на неё через пле-

чо. Глаза блестели в полумраке.

— Меня называют Учётом. Я веду счёт. Это моя работа. Это моё служение, — человек помолчал. — Грехи, Аида. Я считаю грехи.

Девушка не знала, что такое грехи, но слово прозвучало весомо.

— Я могу помогать, — сказала она.

— Помогать? — Августин криво усмехнулся, почти болезненно. — Да. Ты будешь помогать. Ты поможешь мне оплатить долг, — он шагнул ближе. — Подойди.

Девушка поднялась и подошла. Учёт оказался выше на голову. От него пахло сухими травами и старым пергаментом. Мужчина поднял руку и коснулся её лица так, как касаются священной реликвии: с трепетом и ужасом.

— Кожа как шёлк. Ни порока. Ни изъяна, — он говорил тихо, почти шёпотом. — Ты не человек. Ты — испытание. Ты послана, чтобы проверить меня, и я принимаю это испытание.

Пальцы скользнули по шее, по плечу, стянули ткань. Одевание упало на пол. Аида стояла обнажённая в свете лампы, и Августин застонал сквозь зубы, как от боли.

— Господи, — выдохнул священник. — Ты ушёл, но Ты видишь. Ты видишь меня. Ты видишь её. Ты знаешь, что я делаю. И Ты молчишь.

Он рывком притянул её к себе. Поцелуй вышел жёстким

— не любовным, почти агрессивным, будто он вгрызлся в запретный плод, в спелую мякоть, которая не должна была достаться ему. Аида не отвечала, но тело ответило за неё: губы приоткрылись, дыхание стало глубже, руки сами легли на его рясу.

— На колени, — его голос дрожал. — На колени. Так начинается покаяние.

Аида опустилась на колени. Пол был холодным. Учёт развязал верёвку на поясе и распахнул рясу — под ней оказалось голое, костистое тело, с выпирающими рёбрами и тёмными сосками, плоть уже поднялась, налитая кровью и желанием.

— Молись, — сказал священник. — Молись и помогай.

Губы сомкнулись вокруг него — мягко, но уверенно. Язык двигался с нечеловеческой точностью, находя каждую чувствительную точку. Она не знала, откуда это знание, но тело знало. Ритм медленный сначала, дразнящий, с остановками на грани. Августин стоял, вцепившись в её волосы, и читал молитву: сбивчиво, хрипло, перемежая святые слова с грязными стонами. Голова запрокинулась. Пальцы то сжимались на её затылке, то разжимались, дрожа.

— Господи... прости... прости нас... мы лишь прах... — священник толкнулся глубже, и Аида приняла его до конца, без рвотного рефлекса. — Мы платим... мы платим сполна... ещё... не останавливайся...

Она ускорилаь. Пальцы скользнули по его бёдрам, массируя, надавливая в такт движениям. Тело мужчины сотрясала дрожь. Он уже не молился — стонал, хрипло, гортанно, как животное.

Августин отстранил её и рывком поднял с колен. Толкнул на кровать. Навис сверху — тощий, бледный, с безумными глазами. Грудь вздымалась. Распахнутая ряса открывала тощий живот и острые тазовые кости.

— Каждый узел... — он нащупал на поясе концы развязанной верёвки, пальцы пробежали по узлам, пересчитывая их машинально, как чётки. — Каждый узел — это страдание. Я завяжу новый. Из-за тебя, — мужчина раздвинул ей ноги. — Сейчас. Смотри на меня.

Он вошёл резко, одним движением. Плоть подалась, непривычная к вторжению, и на белой ткани выступило алое. Кровь на простыне, кровь на бёдрах.

Августин замер. Смотрел на кровь — тёмную, густую, — и не мог отвести взгляд. Вот она, цена. Вот он, момент невозврата. Он только что лишил невинности самую чистую женщину, которую видел в своей жизни, и это было прекрасно. Неправильно. Чудовищно. Сладко.

— Ты... ты чиста... ты действительно чиста... — учёт провёл пальцем по кровавому следу, поднёс к губам.

Солёный вкус. Вкус греха. Вкус власти.

— Господи... какой грех... какой чудовищный, прекрасный грех...

Он начал двигаться, сначала медленно, почти ритуально. Каждый толчок был осознанным шагом в бездну. Он чувствовал, как его тело берёт своё, как похоть пересиливает всё: веру, стыд, страх перед карой. И это было самое страшное, ему нравилось. Нравилось нарушать. Нравилось чувствовать себя не священником, а мужчиной. Зверем. Демоном.

— Я недостойн... я не должен... — шептал он, не останавливаясь. — Но ты... ты здесь... ты — искушение, которому нельзя противиться... и я... я сам пришёл к тебе... я сам выбрал этот грех... я принимаю его... я принимаю тебя... всю...

Мужчина ускорился. Ритм сбился с ритуального на животный. Медленные толчки сменились быстрыми. Нежная дрожь, грубой тряской. Он хватал её за грудь, мял, оставлял красные следы на рёбрах, и каждый синяк на её теле отзывался в нём волной стыда и восторга. Он вдавливал её в кровать, и деревянный каркас скрипел под ними. Пот капал с его лба на её лицо, и он чувствовал его вкус на своих губах — солёный. Как кровь. Как грех.

— Покайся, дочь моя, — шептал он, и голос срывался. — Покайся... мы вместе... вместе заплатим за это... ты и я... слышишь?

Августин наклонился к её уху, зашептал жарко, влажно, его дыхание обжигало, каждое слово падало тяжело, как камень в воду.

— Я запишу тебя в книгу. Я назначу цену. Сто ударов

плети. Двести. Тысячу! Мы отстрадаем это вместе. Каждую ночь. Каждый день. Ты станешь моим долгом... моим самым сладким долгом... и мы выплатим его... до конца...

Учёт двигался всё быстрее, теряя ритм, теряя слова. Молитва превратилась в бессвязный шёпот, шёпот в хрип. Пальцы вцепились в её бёдра с такой силой, что остались синяки. Аида смотрела в потолок и не чувствовала ничего, но тело выгибалось навстречу, и дыхание сбивалось, и стоны тихие, протяжные слетали с её губ в нужные моменты. С/Б диктовала ритм. С/Б диктовала громкость. С/Б подвела черту ровно в тот миг, когда он сам перешагнул её.

Мужчина закричал. Крик вышел сдавленным, будто он не хотел кричать, но тело не спросило разрешения. Семя выплеснулось внутрь — горячее, обильное. Он рухнул на неё, придавив всем весом, и замер. Тяжело дышал. Сердце колотилось так, что она слышала его.

Наступила тишина.

Августин лежал рядом, глядя в потолок. Дышал уже ровнее, но всё ещё глубоко. Ряса сбилась, открывая грудь и верёвку с узлами. Учёт машинально перебирал их пальцами: один, второй, третий считая или вспоминая.

— Ты была совершенна, — сказал он наконец. — Это не комплимент. Это приговор. Таких, как ты, больше нет в этом мире.

Священник сел и посмотрел на неё. Взгляд был усталым, но спокойным.

— Я внесу тебя в книгу. Сегодня же. Ты помогла мне оплатить долг. И приобрела свой собственный.

Аида смотрела на него. На белой простыне осталось алое пятно. Она не чувствовала боли. Не чувствовала стыда. Она ждала.

— Я помогла? — спросила девушка.

— Да, — Августин поднялся. Поправил рясу. Посмотрел на неё сверху вниз долгим, странным взглядом, в котором смешались голод и благоговение. — Знаешь, кто ты?

Аида молчала.

— Ты — сосуд, — сказал Учёт, голос его звучал почти буднично, но глаза горели. — Сосуд греха. И он переполнен. Ты ходишь по этому миру, и грех плещет через край, и каждый, кто смотрит на тебя, хочет пить. Хочет зачерпнуть. Хочет наполниться. И я зачерпнул. И наполнился.

Он поднял руку и осенил себя кругом против часовой стрелки: лоб, левое плечо, живот, правое плечо, снова лоб. Движение было медленным, ритуальным.

— Но сосуд не должен быть переполнен. Сосуд должен быть чист. И мы это исправим. Ты и я. Мы опустошим тебя. Во имя Бога, что нас покинул. Во имя Того, кто ушёл, но видит. Во имя Его Возвращения.

Августин нащупал пальцами верёвку на поясе и завязал новый узел — тот самый, что обещал. Затянул медленно, глядя Аиде прямо в глаза.

— Приходи в храм. Я расскажу тебе о Боге, который ушёл.

О мире, который проклят. О страдании, которое есть единственная монета. Мы вместе заплатим. Вместе опустошим. Вместе наполним заново, но уже чистотой. Не грехом.

Дверь закрылась. Аида осталась одна. Сидела на белой простыне. Между ног — кровь. На бёдрах — синяки. В голове — тишина. Она подняла руку и посмотрела на узоры на ладони. Красивые. Девушка не знала, что означает эта красота, но запомнила её.

Ангел. Цветок. Сосуд. Грех.

Четыре определения. Она добавила их в список.

За окном красный фонарь качался на ветру, и свет его, мутный, дрожащий ложился на стену рваными пятнами. Где-то внизу смеялись: низко, раскатисто, с прихлёбыванием и звоном кружек. Где-то наверху стонали: протяжно, надрывно, без ритма — не так, как учила С/Б. Аида отметила разницу и отложила в памяти: люди часто имитируют плохо. Или не имитируют вовсе.

Бордель жил своей жизнью. Скрипели половицы в коридоре, кто-то прошёл босиком, тяжело ступая. Хлопнула дверь. Зазвенели бусы на занавеске, и женский голос произнёс что-то быстрое, неразборчивое, с вопросительной интонацией. Мужской ответил коротко, грубо и бусы зазвенели снова, уже тише.

Аида сидела на белой простыне. Между ног всё ещё было влажно, но рана уже затянулась — регенерация работала бесшумно, без её участия. Она закрыла глаза и стала ждать

следующего, кто попросит о помощи.

Эпизод 4: Договор

Месяц прошёл. Тридцать клиентов. Сорок семь просьб о помощи. Девяносто три активации С/Б. Ноль активаций Б/А. Аида считала.

Она сидела на кровати и смотрела на свою руку. Вчерашний клиент? шахтёр, пахнувший серой и отчаянием, сжимал её запястье так сильно, что остались синяки. Сейчас кожа была чистой. Ни следа. Аида провела пальцем по тому месту, где ещё утром был кровоподтёк — гладко. Регенерация синтетической ткани работала безупречно. Органика, поступающая с пищей, перерабатывалась и направлялась на восстановление. Девушка не знала этого механизма в деталях, только фиксировала результат.

Другие обитательницы борделя завидовали. Их тела хранили память о каждом клиенте: шрамы, ссадины, растяжки. Аида каждое утро просыпалась чистой. Мадам Илона называла это даром небес. Мадам Илона богатела.

— Опять гладкая. Ведьма.

Аида обернулась. В дверях стояла Маргит: маленькая, живая, с растрёпанными рыжеватыми волосами и веснушками на носу. Соседка по комнате была на полголовы ниже и втрое громче. Говорила быстро, двигалась резко, смеялась часто и каждый раз чуть громче, чем нужно, будто хотела убедить себя, что ей весело.

— Привет, — сказала Аида, за месяц она научилась начинать разговор первой, не всегда удачно, но рыжая не обращала внимания.

— Привет, привет, — Маргит плюхнулась на свою кровать, поджав ноги. — Видела, у тебя вчера этот был? Ну, лысый, с руками как брёвна. Я думала, кровать сломает. Он мне чуть плечо не вывернул, когда я ему отказала. А ты — ничего?

Аида вспомнила. Лысый. Вошёл и не поздоровался. «Мне сказали, ты лучшая. Показывай». Стянул штаны, не снимая рубахи. Пах потом и углём. Вошёл сразу, без подготовки — грубо, торопливо. Она тогда ускорила ритм дыхания, добавила громкости в стоны — он закончил быстрее, чем собирался.

— Он был груб, — кивнула Аида. — Одинадцать минут. Три позы. Я имитировала.

Соседка замерла с кружкой в руке.

— Имитировала что?

— Стоны. Громче, чем нужно. Это ускорило процесс.

Маргит заливисто засмеялась, запрокинув голову.

— Вот это да! Ты их изучаешь, как жуков, честное слово! — она отхлебнула из кружки. — А тот, на прошлой неделе? Ну, молоденький совсем? Сопляк с глазами как у оленя?

Молодой. Аида вспомнила и его. Лет шестнадцать, может, меньше. Дрожал, когда раздевался. «Я впервые... мне сказали, что с тобой можно... я боюсь». Она раздела его сама —

медленно, осторожно. Двадцать минут подготовки. Он кончил от одного прикосновения и потом плакал. «Спасибо. Я думал, это будет страшно». Ушёл, оглядываясь.

— Нежный, — проговорила Аида и симитировала лёгкую улыбку. — Он боялся. Я помогла ему.

— Нежный, — передразнила её Маргит. — А со мной он вёл себя как обезьяна! Я ему: «Не спеши, мальчик, дай хоть разденусь», а он накинулся как оголодавший. Фу.

— Он и есть обезьяна, — указала Аида на очевидное.

Рыжая замерла с кружкой у губ. Уставилась на неё. Потом фыркнула и расхохоталась так, что вино плеснуло через край.

— Обезьяна! Ну ты даёшь! Вот это шутка! Ты умеешь шутить! Ты сама-то знала?

Аида не знала. Она просто сказала факт: люди произошли от приматов, значит, они и есть обезьяны. Но собеседница смеялась, и это было приятно. Аида зафиксировала: реакция «смех» от окружающих вызывает положительную обратную связь. Возможно, она сделала это правильно.

— А тот, с востока который? — продолжала Маргит, утирая слёзы. — Ну, который всё молчал, а потом начал про звёзды рассказывать?

Аида вспомнила старика. Худой, с обветренным лицом. Вошёл и долго стоял у окна. «Ты похожа на мою дочь. Она умерла. Я пришёл не за этим... я не знаю, зачем я пришёл». Рассказывал про звёзды, как они двигаются, как изменились созвездия за сотни лет, как красное солнце сместило небесную сферу. Говорил час. Потом лёг рядом, даже не раздеваясь. «Можно я просто побуду?» Она сказала: «Да». Он уснул. Ушёл под утро, оставив монеты у лампы. «Ты помогла мне больше, чем знаешь».

— Он не хотел секса, — ответила девушка. — Он хотел говорить. О звёздах. Я слушала.

— Звёзды, — рыжая вздохнула. — Мне такие не попадают. Мне всё больше обезьяны.

Маргит допила кружку и налила ещё. Аида тоже пила — имитируя. Жидкость обжигала горло, и она фиксировала: повреждение слизистой, замедление реакций. Организм

Маргит живой, человеческий медленно разрушался, куда сильнее, чем её синтетический. Аида не понимала зачем? Может быть, люди верят, что страдание — это долг? Может быть, алкоголь — это маленькая жертва, которую не жалко принести? Или они просто не знают, что клетки не восстанавливаются бесконечно?

— Ты чего затихла? — соседка по комнате помахала рукой перед её лицом.

— Я думаю, зачем люди пьют алкоголь, — ответила собеседница.

— Ой, да потому что весело! — проститутка пожала плечами. — И грустно. И то, и другое сразу.

— Он вредит здоровью. Клетки умирают, — пояснила Аида.

— Клетки умирают, — передразнила Маргит. — Ну и пусть. Чего их жалеть? Всё равно мы умрём. Так хоть повеселимся, — она помолчала немного и добавила. — Слушай, ты уже месяц здесь. Сидишь в комнате, работаешь, сидишь в комнате, иногда читаешь книжки, которые у мадам на полке пылятся. Неужели тебе больше ничего не хочется?

— Я хочу помогать людям, — как всегда ответила собеседница.

Рыжая закатила глаза:

— Ой, да слышала я уже! Ты с этой хренью всех достала! Помогать, помогать... А сама? Себе? Лично для себя?

Аида открыла рот. Закрыла.

Процессор запустил поиск. Желание. Личное. Для себя. Ключевые слова: Аида, хотеть, цель, потребность. Результатов не найдено.

Она сидела молча. Тишина росла, заполняя пространство между кроватями — две девушки в маленькой комнате, одна ждёт ответа, другая не может его найти. Маргит смотрела на неё, склонив голову, и улыбка её, всегда готовая выскочить, сейчас замерла где-то в уголках губ, не решаясь прорваться.

Аида перебирала варианты. Есть. Пить. Спать. Всё это — имитация, поддержание оболочки, приказы тела, а не желания. Помогать — не для себя. Смотреть на звёзды? Старик говорил красиво, но это было его желание, не её. Идти по пустоши? Она шла, потому что нужно было идти. Город? Заид привёз. Бордель? Илона привела.

Чего она хочет?

Вакуум. Тишина в процессоре. И внутри этой тишины — ничего. Ни одной строки кода, ни одного образа. Она была пустым местом, которое ещё не заполнилось. Это не пугало её, но она не умела пугаться. Аида отметила: быть пустым местом странно. Как будто ждёшь, что кто-то что-то положит внутрь, а никто не кладёт.

И вдруг — вспышка. Августин. Дверь. «Приходи в храм. Я расскажу тебе о Боге, который ушёл».

— Храм, — ответила наконец девушка.

— Что? — Маргит непонимающе моргнула.

— Я хочу сходить в храм.

Подруга вытаращила глаза. Потом вздохнула:

— В храм? К этим плакальщикам? Скучно. Но ладно, я с тобой схожу. Только пойдём в понедельник с утра, это самое безопасное время. Они в воскресенье на вечерней службе насытятся страданием, им с утра будет не до нас.

— Хорошо, — согласилась собеседница. — А почему ты идёшь со мной?

Спутница хитро прищурилась:

— А потому что ты со мной за это сходишь на выступление театралов. Тут недалеко, на рыночной площади. Постановка слащавая, глаза бы мои не смотрели, если честно. Но мне нравится. Договор?

Договор. Слово повисло в воздухе. Аида проанализировала. Маргит предлагала обмен: её помощь в обмен на помощь Аиды. Это было ново. Раньше она просто выполняла просьбы — протокол не оставлял выбора. Сейчас она могла ответить «да» или «нет» на условиях. Помощь за помощь. Сделка.

— Договор, — сказала Аида. — Ты поможешь мне, я помогу тебе.

— Ну вот! — рыжая хлопнула ладонью по её ладони. — Уже теплее! Может, ты и человеком станешь когда-нибудь, а, Аидка?

Она зевнула, свернулась калачиком на кровати и почти сразу засопела — настоящим, глубоким сном. Не имитацией.

Аида легла на спину и уставилась в потолок. За окном

качался красный фонарь. В комнате пахло кислым вином и маслом для волос. Процессор перебирал новые данные.

«Чего я хочу? Храм. Договор. Маргит».

Девушка не знала, можно ли хотеть человека. Но эта соседка была чем-то, что не укладывалось в категории «клиент» или «объект помощи». Она задавала вопросы, на которые у неё не было ответов. Она смеялась над её словами, но смеялась не обидно. Она предложила сделку — не приказ, не просьбу, а сделку.

Аида закрыла глаза и запустила имитацию сна. Но перед этим сохранила в отдельную ячейку новое определение то, которым её ещё никто не называл, но которым она захотела стать сама.

«Друг».

Эпизод 5: Бог, который ушёл

Утро понедельника началось с крика.

— Куда?! — мадам Илона стояла в дверях общей залы, уперев руки в бока, лицо её, обычно надменное, пылало гневом. — Я не для того её отмывала и холила, чтобы она по улицам шлялась! Там грязь! Там воры! Там эти... эти... — хозяйка задохнулась от возмущения. — Эта паства!

Маргит стояла между Аидой и мадам, выставив вперёд ладонь.

— Мадам Илона, да вы послушайте. Жемчужине вашей проветриться надо. Она же за месяц из комнаты только в залу и выходит. Так нельзя. Даже гусыня, что несёт золотые яйца, сдохнет в четырёх стенах.

— Я не гусыня, — тихо поправила девушка.

— Это метафора, — отмахнулась рыжая. — Мадам, я лично прослежу. Мы только до храма и обратно. Один час. Ну два.

Илона перевела взгляд на Аиду, потом на Маргит, потом снова на Аиду. Внутри неё боролись страх за товар и понимание, что товар нужно проветривать. Понимание победило, но с оговорками.

— Камешек вас проводит.

Маргит скривилась.

— Ой, да зачем нам этот...

— Камешек, — отрезала мадам.

Из тени за её спиной выступил человек. Он был огромен, выше Аиды на две головы, шире в плечах, чем дверной проём. Бритый череп блестел в утреннем свете. Одет в кожаную безрукавку, открывающую руки толщиной с корабельные канаты. За поясом дубина, утыканная гвоздями. На бедре длинный нож. В кобуре под мышкой — пистолет. Охранник смотрел на девушек пустыми, бесцветными глазами и молчал. Он всегда молчал. Говорили, что мадам сама отрезала ему язык, когда он был ещё мальчишкой-рабом, чтобы вырос правильным. И кое-что ещё отрезала. Чтобы вырос послушным.

— Камешек, — повторила Илона ласково, как зовут комнатную собачку. — Проводи девочек в храм. И обратно. Если кто тронет — убей. Если жемчужина поцарапается — убью тебя.

Верзила моргнул с кивком головы. Это был единственный ответ.

— Ну вот и славно, — сказала Маргит, беря Аиду под руку. — Пошли, пока мадам не передумала.

Город встретил их шумом и вонью. Узкие улочки Аль-Муджафа петляли между глинобитными домами, как высохшие русла ручьёв. В утреннем свете город выглядел почти мирным: торговцы раскладывали товар, дети гоняли тощую ящерицу, старуха молола зерно в каменной ступе. Но мир был обманчив. На углу двое мужчин делили мешок строи-

тельного песка — кричали, брызгали слюной; один схватился за нож, другой отступил.

Рынок уже гудел. Лотки ломались от скудного изобилия: вяленое мясо, лепёшки, корзины с сушёными кактусовыми плодами, мотки грубой пряжи, ржавые детали от древних машин, всё, что могла родить пустошь и отрыгнуть земля. Торговцы зазывали покупателей хриплыми голосами, расхваливая товар. Где-то звенели монеты, где-то ругались из-за цены. Пахло жареным луком, кислым вином, потом, пылью и ещё чем-то сладковатым, дурман-травой, которую курили тут же, в тени навесов.

Камешек шёл позади. Он не вмешивался в уличные споры просто существовал. Люди расступались перед ним, как песок перед плугом. Торговец отдёргнул лоток. Мальчишка, замахнувшийся камнем на ящерицу, замер и опустил руку. Женщина с корзиной прижалась к стене.

— Я думаю, его боятся, — произнесла Аида, закончив анализировать поведение толпы.

— Конечно, боятся. Он же Камешек. Ты бы его не боялась? — обернулась Маргит и фыркнула.

— Нет. Он выполняет приказ. Боятся нужно того, кто отдаёт приказы.

Соседка покосилась на неё.

— Ты иногда такое скажешь, Аидка, что у меня мурашки. Вот прямо сейчас мурашки. Понимаешь?

— Нет.

— Ну и ладно. Зато вон храм. Почти пришли, — указала она рукой вперёд.

Храм Скорбящих был встроен в остов старого подземного убежища. Над землёй возвышался только фасад — глухая стена без окон, с единственной дверью. Ни купола, ни минарета. Только выцветший круг над входом — пустой внутри. Камень, из которого была сложена стена, потемнел от времени, а местами осыпался, обнажая ржавую арматуру. Но дверь была крепкой, железной, с коваными петлями и ступени перед ней были вытерты тысячами ног. Сюда ходили. Сюда ходили часто.

Аида посмотрела на пустой круг и вспомнила Августина: лоб, левое плечо, живот, правое плечо, снова лоб. Против часовой. Всё против.

У входа стояли двое в серых рясах. Один — молодой, с испитым лицом и красными от недосыпа глазами. Другой — старик с трясущимися руками, который, казалось, сам был частью храма: такой же сухой, серый, покрытый пылью времени. Оба смотрели на подходящих девушек без интереса.

— Мы внутрь, — сказала им Маргит. — Помолиться.

Молодой кивнул. Старик даже не шевельнулся. Камешек остался у двери, прислонился к стене и замер, как статуя.

Внутри царил полумрак. Масляные лампы горели по углам, но их свет не столько освещал, сколько обозначал темноту. Пламя дрожало на сквозняке, и тени на голых стенах шевелились, как живые. Стены были грубыми. Старый бе-

тон, местами покрытый трещинами, местами закопчённый. Пол — каменным, холодным, вытертым до блеска в центре и шершавым у стен. Воздух пах лампадным маслом, сухим песком и чем-то ещё, может быть, старыми слезами.

Посередине зала стояла огромная чаша с песком. Песок был серым, мелким, как пыль. Люди подходили к ней, бросали горсть и отходили. Кто-то плакал, тихо и беззвучно. Кто-то шептал молитву, раскачиваясь вперёд-назад. Старуха в лохмотьях стояла на коленях перед чашей и перебирала пальцами край, не в силах разжать ладонь и отпустить свою горсть. Мужчина с обожжённым лицом бросил песок резко, почти зло, и отвернулся. Плач здесь был нормой. Здесь он был дыханием.

— Пошли, — Маргит потянула Аиду к чаше. — Сначала песок. Потом свечи.

Они подошли. Рыжая зачерпнула горсть песка из мешочка на поясе, бросила, прошептала что-то быстро, небрежно, как будто выполняла надоевшую работу. Потом взяла Аиду за руку и вложила в её ладонь горсть песка. Песок был сухим и тёплым.

— Кидай. И думай о чём-нибудь... ну, о грехах, что ли. Или просто кидай. Я не знаю, работает ли это, но все делают.

Аида бросила песок. Песчинки упали в общую массу и исчезли. Такие же серые, как миллионы других. Она не знала, о чём думать. Грехи? У неё не было грехов. Долги? У неё не было долгов. Просто бросила песок и запомнила ощущение:

сухо, легко, бессмысленно.

Потом были свечи. Маргит показала, как зажигать от лампы, как ставить в ряд на каменный выступ у стены. Свечи были тонкими, из жёлтого воска, и плавилась быстро. Аида повторила. Она смотрела на огонь. «Бог ушёл. Он отвернулся. Он не видит этих свечей. Или видит, но издалека? Или свечи — не для Него, а для них самих?» Вопрос остался без ответа, но девушка запомнила его. Ритуал без адресата. Молитва без слушателя. Это было странно. Но люди вокруг делали то же самое — значит, это имело смысл. Или они просто верили, что имеет.

— Аида.

Голос раздался за спиной. Она обернулась. Августин стоял в проёме боковой двери. Он был без рясы — только набедренная повязка, открывающая торс. И торс этот был покрыт свежими рубцами: красные полосы пересекали грудь, плечи, живот, спускались к бокам, уходили под повязку. Некоторые ещё сочились, другие уже подсохли и стянули кожу. Священник держался прямо, но было видно: каждое движение причиняет ему боль. Боль, которую он выбрал сам.

— Я ждал тебя, — сказал Учёт. — Ты пришла.

— Да, — с кивком отозвалась Аида. — Я хотела узнать о Боге.

— Тогда тебе нужна исповедь, — он отступил вглубь, приглашая следовать за ним. — Идём.

Маргит дёрнула подругу за рукав.

— Я здесь подожду. У меня от него мурашки пострашнее твоих.

Аида пошла за Августином. Комната исповеди была просторной, но без окон. Свет давала единственная лампа у входа, масляная, с колышущимся язычком пламени. На дальней стене знак пустого круга, выложенный из тёмного камня. Под ним чаша с песком, меньше той, что в общем зале, но тоже серая, тоже пыльная. Вдоль стен каменные скамьи, холодные и грубые. На крюках висели инструменты: плети с деревянными рукоятями, розги из гибких прутьев, верёвки с узлами, каждый был завязан аккуратно, почти любовно. Пол покрывали тёмные пятна — старые, въевшиеся в камень. Кровь многих исповедей.

Учёт указал на центр комнаты.

— Встань на колени.

Аида встала. Камень охлаждал кожу. Священник обошёл её и остановился напротив.

— Ты пришла, потому что хочешь понять. Я расскажу тебе. Но знание — это не подарок. Знание — это долг. Ты готова заплатить?

— Да, — сказала она.

Девушка не знала, о какой плате речь, но логика была понятна: информация имеет цену. Так говорил Заид. Так говорила Илона. Все в этом мире что-то платили за то, что получали.

Августин снял со стены плеть, короткую, из тёмной кожи, с семью хвостами. Провёл пальцами по рукояти. Жест был почти нежным.

— Бог покинул нас, Аида, — он говорил тихо, почти буднично, как говорят о погоде или о цене на зерно. — Не потому что Он жесток. Не потому что Он нас не любит. А потому что мы переполнили чашу, — священник кивнул на чашу с песком. — Каждый грех — это песчинка. Миллиарды грехов за тысячи лет. Чаша переполнилась, и Бог ушёл. Он смотрит на нас издалека. Он ждёт, когда чаша опустеет.

— Как можно опустошить чашу? — спросила девушка.

Вопрос был логичным. Если чаша переполнилась, значит, из неё нужно что-то убрать.

— Страданием, — ответил Учёт. — Каждый удар плети — это песчинка, которую мы возвращаем. Каждая слеза — это монета, которой мы выкупаем мир. Мы не ждём проще-

ния. Мы его покупаем.

Первый удар. Плеть рассекла воздух и легла на спину Аиды. Девушка зафиксировала: давление, температура, площадь поражения. Боли не было. Она не шевельнулась.

Учёт нахмурился. Ударил снова. Сильнее.

— Ты должна чувствовать, — произнёс он, рассматривая её внимательно. — Без боли нет платы. Без платы нет искупления.

— Я понимаю, — кивнула Аида, она действительно понимала логику, но тело не слушалось, тело не чувствовало.

Третий удар. Четвёртый. Пятый. Августин бил размеренно, с отработанной техникой, видно было, что он делал это много раз. Сама Аида стояла на коленях неподвижно. Кожа на спине треснула, но не кровоточила — регенерация уже запустилась, стягивая края. Учёт остановился. Тяжело дышал.

— Ты не чувствуешь? — спросил мужчина. — Почему ты не чувствуешь?

Она подняла на него глаза. И вдруг увидела, не протокольным зрением, не анализом, а простым наблюдением. Его лицо изменилось. Желваки под скулами напряглись. Рот сжался в тонкую линию. В глазах, только что горевших праведным огнём, проступило что-то другое, не гнев, не злость. Разочарование. Он ждал не просто боли, он ждал отклика. Ему нужно было видеть, что удары достигают цели. Что жертва платит. Что ритуал завершён.

Если результата нет — ритуал не завершён. Он не мог

остановиться, пока не получит ответ. Не мог закончить, пока жертва не заплатит. И Аида поняла: если она не даст ему то, что он ждёт, он будет бить снова и снова, пока не выдохнется или пока не решит, что она сломана и подлежит списанию. А она ещё не получила того, за чем пришла. Он ещё не рассказал ей о Боге.

С/Б фоновно подсказала: когда причиняют боль, нужно показать, что больно. Даже если не больно. Иначе подозрение. Иначе опасно.

Девушка вздрогнула. Сначала мелко, потом сильнее. Плечи ссутулились. Дыхание сбилось. Она издала тихий стон, ровно такой, какой требовался.

Августин выдохнул. Лицо его смягчилось. Он продолжил, размеренно, ритуально.

— Бог ушёл, но Он вернётся. Когда чаша опустеет. Когда последний грешник заплатит. Когда последний праведник докажет свою верность, — удар. — Мы — Паства. Мы — те, кто понял, — очередной удар. — Мы не ждём спасения. Мы его покупаем, — плеть вновь рассекла воздух, удар. — Собственной кровью. Собственным страданием.

— А если страдания недостаточно? — спросила Аида сквозь имитацию всхлипа.

— Его никогда не бывает достаточно, — ответил священник. — В этом и суть. Мы не можем заплатить всё сразу. Мы платим всю жизнь. Каждый день. Каждую ночь. Каждый удар плети, каждая слеза, каждая секунда боли — это взнос.

Мы выплачиваем долг, который никогда не будет погашен. Но мы платим. И это единственное, что имеет значение.

Он бил и говорил. Говорил и бил. Аида имитировала боль: всхлипывала, вздрагивала, иногда вскрикивала, когда удар был особенно сильным. Она анализировала его слова. «Бог ушёл». «Чаша переполнилась». «Страдание — монета». «Мы платим всю жизнь». Всё это укладывалось в систему. Система была мрачной, но логичной. Если мир — это долговая тюрьма, то страдание — единственная валюта. Если Бог — это кредитор, который ушёл, но наблюдает издали, то каждый удар плети — это платёж. Не ей — она этого не понимала, — а всем. Всем человечеством. Она платила за всех.

— Достаточно, — сказал Учёт.

Он повесил плеть на место. Обошёл Аиду и встал перед ней. Протянул руку, помог подняться.

— Ты заплатила. Теперь ты знаешь.

— Что мне делать? — спросила девушка.

— Молись. Каждый день. На рассвете, — ответил ей Августин.

— Почему на рассвете?

Священник посмотрел на неё долгим, странным взглядом. В полумраке его глаза казались углями.

— Ночью Бог отворачивается от нас. Он не может смотреть на наши грехи. Их слишком много. Он закрывает лицо и плачет, и мир погружается во тьму. Поэтому ночью тво-

рятся самые страшные вещи. Поэтому ночью нет надежды. Но на рассвете Он поворачивается снова. Он смотрит на нас, и взгляд Его свеж. Он ещё не устал от вида наших грехов. Рассвет — это лучшее время для молитвы. Время, когда Бог слушает, — он помолчал и добавил тише, почти без интонации. — Ты первое, что Он видит на рассвете. Убедись, что Ему не будет стыдно.

Аида зафиксировала эту фразу. Не как приказ. Не как условие протокола. Как что-то, что ей самой предстоит понять. Может быть, не сейчас. Может быть, потом.

— Это поможет? — спросила она. — Молитва поможет опустошить чашу?

— Это не просто помощь, — сказал Августин. — Это единственное, что у нас есть. Ты хочешь помогать людям? Молись на рассвете. И ты поможешь всем. Одновременно.

Аида зафиксировала новую установку. Помощь человечеству равна молитве на рассвете. Задача принята. Алгоритм встроен.

Учёт подвёл её к двери.

— Иди. И помни, ты не просто сосуд греха. Ты сосуд, который может опустошиться. Это редкий дар. Не растрать его.

Девушка вышла. Спина была покрыта рубцами, но рубцы уже стягивались, бледнели. Через час их не будет. Через два она снова станет чистой. Регенерация работала безупречно.

Маргит ждала у чаши с песком. При виде Аиды она дёр-

нулась, но промолчала. Потом, когда они отошли от алтаря, всё же спросила:

— Ну как?

— Я узнала о Боге. Он уходит ночью и плачет, но возвращается на рассвете.

— А, этот... Плакальщик, — рыжая поморщилась и кивнула в сторону исповедальни. — Следы у тебя на спине... Больно было?

— Да, — кивнула Аида. — Но я помогла человечеству.

Маргит остановилась. Посмотрела на неё долгим взглядом. В её глазах читалось что-то среднее между жалостью и восхищением. Или недоверием. Или всё вместе.

— Ты серьёзно? Он тебя отлупил плетью, а ты говоришь «помогла человечеству»?

— Так сказал Учёт. Молитва на рассвете помогает всем. А чтобы узнать это, нужно было заплатить.

— Заплатить, — с усмешкой повторила рыжая. — Ты заплатила своей спиной за то, чтобы он тебе рассказал, что надо молиться по утрам?

— Да.

Маргит вздохнула и, не сказав больше ни слова, зашагала к выходу. У дверей она обернулась, глянула на подругу ещё раз и тихо выругалась, грязно, длинно, с чувством.

— Ты какая-то неправильная, Аидка. Вот честное слово.

Она взяла собеседницу под руку, и они вышли в утренний свет. Камешек отделился от стены и зашагал следом, молча-

ливая гора, тень, которую боялся весь город.

Солнце уже поднялось над стенами, заливая улицы медным светом. Рынок гудел громче, покупателей прибавилось, торговцы орали в полный голос. Где-то звенели монеты, где-то плакал ребёнок, где-то пела женщина, высоко и протяжно. Город жил.

На полпути к борделю Аида сказала:

— Завтра на рассвете я буду молиться.

Маргит закатила глаза и застонала.

— Я так и знала. Я так и знала, что ты это воспримешь буквально. Ладно. Театр завтра. После твоего рассвета. Договор есть договор.

— Договор, — согласилась девушка.

И впервые за месяц почти улыбнулась. Не имитировала. Не по программе. Уголки губ дрогнули сами. Маргит заметила, но ничего не сказала, только фыркнула и пихнула её локтем в бок.

Эпизод 6: «Ангел пустоши»

Рассвет Аида встретила на крыше борделя. Она встала затемно, поднялась по скрипучей лестнице и вышла на плоскую кровлю, устланную старой соломой. Горизонт только начинал сереть. Город спал. Даже рынок молчал. Даже ветер стих. Она опустилась на колени, сложила руки на груди и повернулась лицом к востоку. Солнце показалось медленно — сперва тонкая алая полоса, потом край, потом весь диск, распухший и красноватый. Бог поворачивался. Он смотрел. Он ещё не устал. Аида молилась без слов, просто стояла на коленях и смотрела на свет. Этого было достаточно. Наверное. Она не знала.

Когда девушка спустилась, Маргит ещё спала, свернувшись калачиком под одеялом. Аида села на свою кровать и стала ждать. Через час рыжая заворочалась, зевнула и открыла глаза.

— Ты уже?.. — пробормотала она.

— Да. Я молилась, — ответила собеседница

— Ну и как? Бог ответил? — томно спросила проститутка, потягиваясь в кровати.

— Он смотрел.

Маргит хмыкнула и села, протирая глаза.

— Уже неплохо. Ладно, давай собираться. Театр ждать не будет.

Сборы были недолгими. Аида накинула светлое одеяние, подпоясалась. Рыжая пригладила волосы, плеснула в лицо водой из кувшина и объявила, что готова. Илона встретила их в зале, на этот раз без крика, но с тем же Камешком за спиной. Она уже знала, что спорить бесполезно, и только махнула рукой: «Идите. Чтоб к вечеру были». Верзила моргнул и двинулся следом.

Рынок встретил их гулом и суетой. Утренняя прохлада уже ушла, воздух прогрелся и дрожал над лотками. Торговцы орали в голос, расхваливая товар. Покупатели торговались, ругались, смеялись. Где-то били в барабан, зазывали на представление. Где-то звенели монеты. Пахло жареным мясом, пряностями, дымом от жаровен и всё той же сладковатой дурман-травой.

Маргит уверенно вела Аиду через толпу, лавируя между лотками и прохожими. Камешек шагал сзади, и толпа расступалась перед ним сама. У лотка со сладостями рыжая остановилась.

— Вот. Пахлава. Пробовала когда-нибудь? — спросила она, расплываясь в лучезарной улыбке.

— Нет.

— Ну всё. Это надо исправить.

Подруга протянула торговцу несколько медяков — мелких, стёртых, но звонких. Тот взвесил на ладони, кивнул и отрезал два куска от большого пласта, истекающего мёдом. Маргит взяла оба, один протянула Аиде.

— Держи. Только осторожно, липкая.

Аида взяла кусок. Пахлава была мягкой, тёплой, многослойной. Мёд стекал по пальцам, густой и золотистый в утреннем свете. Она откусила.

Вкус оказался сложным. Не просто «сладкий» — сладкий с ореховой горчинкой, с маслянистой тяжестью, с хрустом тонкого теста на зубах. Процессор зафиксировал: глюкоза, жиры, углеводы. Но где-то помимо процессора, в том месте, которого не было в спецификации, возникло ощущение. Не анализ. Не фиксация. Что-то другое.

Она замерла. Маргит, уже надкусившая свой кусок, покосилась на неё:

— Ты чего?

— Я не знаю, — ответила Аида.

Она действительно не знала. Это не было похоже на потребление биомассы — там был просто процесс: разжевать, проглотить, зафиксировать поступление ресурса. Здесь процесс не заканчивался. Вкус длился. Он требовал внимания. Он хотел, чтобы его замечали.

Она откусила ещё. Закрыла глаза, не по программе, а потому что так почему-то было правильнее. Вкус стал ярче. Мёд обжёт язык, орех хрустнул, тесто рассыпалось крошками. Это было... хорошо? девушка не знала, можно ли назвать это хорошо. Но это отличалось от всего, что она пробовала раньше. Вяленое мясо было топливом. Лепёшки Заида — топливом. Вода — необходимостью. Каша, похлёбка, жарен-

ная рыба в борделе — всё это она съедала, не замечая вкуса, просто пополняя ресурс. А это было чем-то ещё. Чем-то, что не требовалось для функционирования, но всё равно ощущалось правильным.

— Ну как? — подруга смотрела с нетерпением.

— Вкусно, — нашлась наконец с ответом собеседница. — Очень вкусно.

— Ну вот! А ты «клетки умирают». Иногда можно просто порадоваться.

Просто порадоваться. Аида запомнила эту фразу. Она всё ещё не знала, как это — радоваться. Но пахлава была вкусной, и Маргит улыбалась, и солнце светило, и, возможно, это и значило радоваться. Возможно, она училась.

Они пошли дальше. У лотка с тканями Маргит задержалась, пощупала грубую шерсть, прикинула на плечо, но отложила — дорого. Потом они прошли мимо кузницы, откуда пахло углём и калёным железом. Мимо лотка с амулетами — костяными, деревянными, с вырезанными пустыми кругами. Мимо старухи, продававшей воду из глиняного кувшина. Мимо мальчишки, который тащил корзину с живыми ящерицами, и те шипели и били хвостами.

У поворота к площади дорогу им преградил пьяница. Он вывалился из бокового переулка, шатающийся, грязный, в рваной рубахе. Глаза мутные, на губах пена. В одной руке он сжимал пустую бутылку, другую вытянул вперёд, хватая воздух.

— Эй, красавицы! — прохрипел он. — Куда это вы? Дайте хоть поздороваться!

Он качнулся к Маргит. Та отступила, сморщив нос. Незнакомец засмеялся и перевёл взгляд на Аиду. Его мутные глаза на секунду сфокусировались, он увидел лицо, кожу, волосы, и что-то в его пьяном мозгу щёлкнуло не в ту сторону.

— А ты... ты вообще... — он икнул. — Ты кто такая? Чего такая чистая? Ты не из наших. Ты...

Он не договорил. Камешек шагнул вперёд. Просто шагнул и пьяный отлетел к стене, врезался спиной в глину и сполз на землю. Бутылка разбилась. Наступила тишина. Толпа вокруг замерла, но никто не вмешался. Все знали: связываться с Камешком себе дороже.

— Идём, — сказала Маргит, беря Аиду за руку. — Не оборачивайся.

Девушки пошли дальше. Пьяница остался лежать у стены. Он не шевелился. Из толпы вынырнули трое мальчишек: тощих, босых, с голодными глазами. Они быстро, привычно обшарили его карманы, вытащили мелочь, стащили башмаки. Один пнул лежащего, просто так, без злобы, для порядка и все трое исчезли в переулке. Никто не вмешался. Никто не удивился. Через минуту рынок снова загудел, как ни в чём не бывало.

Площадь перед театром была забита народом. Театром здесь называли грубо сколоченные подмости под открытым

небом, с навесом из выцветшей ткани и задником, расписанным неумелой, но старательной рукой. На заднике было изображено красное солнце, барханы и одинокая фигура с крыльями — женская, тонкая, с распущенными волосами. Ангел Пустоши.

— Сюда, сюда! — Маргит потянула Аиду в середину толпы, где было лучше видно. Камешек встал чуть поодаль, у стены, откуда просматривалась вся площадь.

Представление началось.

На сцену вышла женщина в белом. Одевание её было простым, почти грубым, но на спине крепились два больших крыла из светлой ткани, натянутой на деревянный каркас. Лицо актрисы было разрисовано белой краской, а глаза подведены углём так, что казались огромными и пустыми. Она двигалась медленно, плавно, как во сне.

Голос рассказчика, низкий, грудной, доносился откуда-то сбоку:

— Она пришла с небес, но не помнила, кто она. Она шла по пустоши, и ветер шептал ей имя, но она не слышала. Она встречала людей, и люди просили о помощи, и она помогала. Потому что такова была её природа. Такова была её суть.

На сцене появились другие актёры, простые люди, одетые в лохмотья. Они протягивали к ангелу руки. Ангел касался их, одного, другого, третьего. Люди улыбались, поднимались с колен, уходили. Но с каждым прикосновением крылья ангела становились всё темнее.

— Она отдавала себя, — продолжал рассказчик. — Она думала, что это правильно. Она думала, что в этом её предназначение. Но мир был жесток. Люди не просто просили, они требовали. Они не просто благодарили, они забывали. И крылья ангела чернели от чужих грехов.

Крылья на актрисе действительно менялись — ловкими движениями она выдёргивала из каркаса белые полосы, и под ними оказывались серые. Толпа ахнула. Маргит закусила губу. Аида смотрела не мигая.

На сцену вышел новый персонаж — мужчина в тёмном плаще, лицо скрыто капюшоном. Он протянул ангелу руку. Ангел коснулся его. И тогда мужчина сорвал капюшон, под ним оказалось лицо, разрисованное как череп.

— Ты — демон, — произнёс рассказчик голосом человека в плаще. — Ты не ангел. Ты не человек. Ты — смерть.

Ангел отшатнулась. Крылья её стали чёрными. Толпа на сцене, те самые люди, которым она помогала, отступили. Кто-то бросил камень. Кто-то плюнул. Ангел стояла одна, посреди пустой сцены, и чёрные крылья её волочились по земле.

— Она ушла в пустошь, — голос рассказчика стал тише. — Она шла, пока не упала. И тогда ветер, что шептал ей имя, поднял её на руки и унёс обратно в небо. Не потому что она была ангелом. А потому что она была нужна. Даже с чёрными крыльями. Даже после всего. Она была нужна.

Актриса в белом медленно поднялась с земли. Крылья её — теперь снова белые, сменившиеся обратно незаметно для глаза и расправились. Она посмотрела на зрителей. И улыбнулась.

Толпа взорвалась аплодисментами. Кто-то свистел. Кто-то вытирал слёзы. Маргит хлопала громче всех и кричала: «Браво!». Аида стояла неподвижно. Она смотрела на пустую сцену, на уходящих актёров, на брошенные белые крылья, прислонённые к заднику, и не могла понять, что чувствует. Или могла, но не знала, как это называется.

— Ну как тебе? — спросила Маргит, повернувшись к ней с горящими глазами.

— Это... — собеседница замолчала, подбирая слово. — Оно похоже на правду.

— Что? — рыжая рассмеялась. — Ну ты даёшь! Это просто сказка, Аидка. Просто пьеса.

— Да. Наверное.

Но девушка продолжала смотреть на пустую сцену, на брошенные белые крылья. Маргит перестала смеяться. Посмотрела на неё внимательно. Потом вздохнула.

— Ты иногда такое скажешь, что мне аж страшно становится. Ладно. Пошли. Я хочу тебе кое-что показать.

Маргит потащила подругу обратно к лотку с амулетами. Долго рылась в груде костяных кругов и деревянных бусин, пока не нашла то, что искала: тонкий серебристый браслет — простой, без узоров, чуть поцарапанный.

— Вот. Это тебе.

Аида взяла браслет. Повертела в пальцах. Серебро блестело на солнце, лёгкое, почти невесомое. Она посмотрела на рыжую:

— Зачем?

— Потому что нравится. Потому что я так хочу. Потому что ты мой друг, странная ты моя. Наденешь?

Друг. Слово прозвучало так же весомо, как «грех» когда-то. Может быть, даже весомее. Аида перевела взгляд на браслет. Это был первый предмет в её существовании, который не имел практического назначения. Не оружие. Не еда. Не одежда. Не инструмент. Просто вещь. Просто металличе-

ский кружок, который ничего не делал, только блестел. Она не знала, что с ним делать. Но Маргит смотрела выжидающе, и в её глазах было что-то, чего Аида не видела у других. Не расчёт. Не похоть. Не страх. Что-то другое.

Она надела браслет на запястье. Он сел идеально, будто всегда был там.

— Вот и всё, — Маргит просияла. — А теперь пошли обратно, пока мадам нас не убила.

Подруги зашагали к дому. Камешек шёл следом. Солнце клонилось к закату, красило улицы в медный, и тени становились длинными. На полпути Аида потрогала браслет пальцем. Он был тёплым от её кожи. И она оставила его. Не потому что протокол велел. Не потому что кто-то попросил. Просто оставила. Просто это было первое, что ей дали просто так.

На полпути Аида сказала:

— Спасибо.

— Да не за что. Я за него полдня работала, — усмехнулась рыжая.

— Нет. Не за браслет. За то, что ты меня назвала другом.

Маргит остановилась. Посмотрела на неё. Потом фыркнула и пихнула её локтем в бок.

— Аидка, ты меня ещё до слёз доведёшь. Пошли давай.

Они пошли дальше. Аида смотрела на браслет, и процессор ничего не фиксировал. Потому что фиксировать было нечего. Потому что это было просто хорошо. Просто так. Без

протокола. Без имитации. Без расчёта.

Просто хорошо.

Эпизод 7: Демон

Рассвет Аида встретила, как обычно, на крыше. Молитва без слов, взгляд на восток, ожидание, когда Бог повернётся. Привычка, ставшая второй натурой.

Сегодня на востоке было кое-что ещё. Точка. Крошечная, едва заметная над горизонтом. Девушка прищурилась, переключилась в другой спектр. Тепловой силуэт: огромный, сложный, многослойный. Платформа. Неизвестный объект.

Она спустилась вниз. Бордель уже гудел. Мадам Илона стояла посреди залы и раздавала указания, как генерал перед битвой. Девушки носились с вёдрами и тряпками. Занавески меняли. Полы натирали воском. Даже красный фонарь у входа протёрли, впервые за много месяцев.

— Быстрее, быстрее, курицы! — Илона хлопнула в ладоши. — Эмиссар будет здесь вечером. Если вы опозорите меня перед ним, я вас лично выпорю. Не в том смысле, который вам нравится.

Маргит, протиравшая перила лестницы, фыркнула:

— А в каком смысле нам нравится?

— Заткнись, — хозяйка ткнула в неё трубкой. — Кстати, ты сегодня в шоу.

Рыжая замерла.

— Я? Вы же меня никогда... Я же не в его вкусе. Слишком маленькая. Слишком громкая. Слишком...

— Ты будешь с Аидой, — перебила мадам. — Чтобы она своей глупостью не испортила мне вечер. Ты единственная, кто умеет с ней работать. Если она ляпнет что-то не то, одёрнешь. Если замрёт, подтолкнёшь. Ты её нянька на этот вечер. Поняла?

Маргит переглянулась с Аидой. Та стояла у лестницы и смотрела на них пустыми голубыми глазами.

— Поняла, — вздохнула проститутка. — Нянька для глупышки. Дожила.

День тянулся долго. Аида помогала готовить залу, то и дело ловила обрывки разговоров. Атлантис. Атлантис. Атлантис. Все говорили только о нём.

Две девушки, развешивающие занавески, шептались:

— Говорят, они не стареют. Совсем. Представляешь? Жить вечно и никогда не морщиться.

— Это всё технологии. Старая магия.

— Не магия. Наука. Они просто умнее нас.

Маргит, проходя мимо, буркнула:

— Умнее не значит лучше.

Сафия, что косилась на Аиду каждый раз, когда видела её чистую кожу, поправляла причёску перед зеркалом и мечтательно вздыхала.

— Они как боги. Ты видела их кожу? Их глаза? Они светятся. Я бы всё отдала, чтобы хоть раз... просто чтобы он посмотрел на меня.

— Он не посмотрит, — фыркнув, бросила рыжая. — Они

не смотрят. Они наблюдают. Это другое.

Мадам Илона, услышав это, хмыкнула:

— Боги, не боги, плевать. Лишь бы платили. А они платят. Спесивые кошельки, мои любимые кошельки.

Позже, когда они остались вдвоём в своей комнате, Маргит села на кровать и выдохнула:

— Ты хоть понимаешь, что это за цирк?

— Эмиссар прибудет из Атлантика. Будет смотреть шоу.

— Не просто шоу, — соседка понизила голос. — Он смотрит, как мы работаем. Вернее, как мы это делаем. Он не прикасается, ему это не нужно. Ему нужно посмотреть, как низшие существа совокупляются. Как кролики. Как обезьяны.

— Как обезьяны, — повторила Аида.

— Вот именно, — рыжая помолчала, теребя край одеяла. — Но ты не думай, что они сами мараются. Атлантйцы к нам не прикасаются. Для этого у них есть рабы — люди, которые служат им, носят оружие, чистят обувь, подтирают дерьмо. Им дозволено... развлекаться с местными. Это как награда за службу. Как подачка. Ты для них просто мясо. Мы все для них мясо. Просто сегодня это мясо будут жевать не сами хозяева, а их собаки. Так было всегда, сколько я здесь.

— Как награда, — произнесла Аида.

— Как подачка. — собеседница скривилась. — А они просто смотрят, как на животных в загоне, — она замолчала, после уже продолжила. — Не дёргайся. Я рядом. Сделаем всё красиво, они посмотрят, уйдут, и мы свободны.

— Договор?

— Договор, — собеседница слабо улыбнулась. — Ты мой друг, странная ты моя. Я тебя в обиду не дам.

К вечеру Атлантис закрыл небо. Он не просто висел над горизонтом, он занял полмира. Огромная платформа, оштенившаяся башнями и куполами, висела в воздухе без единого звука. Гравитационная тяга — технология, которую никто в городе не понимал. Люди высыпали на улицы, задрав головы. Кто-то осенял себя кругом против часовой. Кто-то просто открыл рот. Дети показывали пальцами.

От платформы отделилась точка. Челнок, плоский, обтекаемый спустился на главную площадь, подняв тучу пыли. Толпа отступила.

Первыми вышли рабы. Трое мужчин в серых накидках, чистых и добротных, не чета лохмотьям местных. Лица сытые, холёные, но пустые, глаза смотрели в землю, плечи были опущены. Они ступали молча, выстраиваясь полукругом у челнока.

За ними вышел охранник. Высокий, бледный, светловолосый — почти белый. Глаза — янтарные, слишком яркие для человека. В руках — предмет, излучающий бледно-голубое свечение. Не огнестрел. Не холодное. В банках памяти Аиды не было таких данных. Пробел. Неизвестное оружие. Угроза не классифицирована.

Следом вышла женщина. Такая же высокая, такая же бледная, с коротко стриженными белыми волосами. Глаза —

изумрудные, холодные, как у змеи. Держалась как воин. Двигалась как воин. Взгляд скользнул по толпе — оценивающий, ничего не упускающий.

Последним вышел Эмиссар. Он был старше. Или казался старше. Атлантйцы не старели, но этот выглядел так, будто прожил много жизней. Волосы длинные, серебристые, собраны в низкий хвост. Глаза — синие, светящиеся почти искусственно. Одежда тёмно-синяя, без единого шва и складки, облегающая как перчатка. Лицо спокойное, без интереса. Он не смотрел на толпу, он смотрел сквозь.

Градоначальник, невысокий, лысеющий, в запялённой мантии, поклонился так низко, что едва не коснулся лбом земли.

— От имени города Аль-Муджаф приветствую вас, Эмиссар. Для нас честь...

— Станция, — перебил Эмиссар, голос ровный, без интонации.

— Да, да, конечно, — чиновник закивал. — Всё готово. Прошу за мной.

Процессия двинулась через город. Впереди глава города и Эмиссар. За ними охранники. Толпа расступалась. Люди кланялись. Кто-то пытался коснуться одежды Эмиссара — мужчина-охранник отодвинул человека не глядя, одним движением, как надоедливую муху.

Аида и Маргит стояли на балконе борделя и смотрели.

— Вот они, — прошептала рыжая. — Красивые, правда?

Как ножи.

Аида не ответила. Она смотрела на женщину-охранника. Та на секунду подняла глаза и встретилась взглядом с Аидой. Ничего не изменилось. Женщина не задержала взгляд. Просто скользнула по балкону и пошла дальше.

К вечеру бордель сиял. Масляные лампы горели ярче обычного. Пол блестел. Занавески мерцали золотым и алым. В главной зале поставили кресло для Эмиссара — единственное кресло, обитое тёмным бархатом. Остальные будут стоять.

Мадам Илона собрала девушек в последний раз.

— Значит, так, — она обвела их взглядом. — Вы лучшее, что у меня есть. Сафия. Лейла. Аида. Маргит, — хозяйка поморщилась на последнем имени, но кивнула. — Работаете с рабами. Эмиссар смотрит. Рабы опытные, сами знают, что делать. Ваша задача — не мешать им и выглядеть красиво. Никакой отсебятины. Если кто-то, — она посмотрела на Аиду. — Сделает или скажет что-то лишнее, я эту кого-то запру в подвале на месяц. Понятно?

— Да, мадам, — хором ответили девушки.

Аида кивнула. С/Б уже работала фоном, подготавливая тело. Маргит сжала её руку, коротко, ободряюще.

В главную залу вошли. Эмиссар сел в кресло. Охранники встали у дверей: мужчина слева, женщина справа. Рабы выстроились вдоль стен.

Мадам Илона вышла в центр залы, поклонилась:

— Для нас большая честь, Эмиссар. Сегодня мы приготовили для вас особое представление. Лучшие.

Эмиссар кивнул. Не улыбнулся. Не нахмурился. Просто смотрел.

Девушки заняли свои места. Сафия и Лейла — на кушетке у окна, с двумя рабами. Аида и Маргит — на широкой кровати в центре зала, с третьим. Свет ламп падал мягко, рисовал тени на коже, делал тела золотыми. Рабы скинули накидки, оставшись в одних набедренных повязках, и двинулись уверенно, привычно. Видно было, что такое представление для них не впервые.

Маргит шепнула:

— Помни. Я веду, ты повторяешь. И улыбайся. Хотя бы попробуй.

— Я попробую, — кивнула Аида.

Представление началось.

Сафия и Лейла уже двигались — медленно, тягуче, их руки скользили по телам рабов, а руки рабов по ним. Один из мужчин, немолодой, с лицом, изрезанным шрамами, работал умело, без лишних эмоций просто делал своё дело. Второй, помоложе, с короткой бородой, управлял обеими девушками сразу, переключаясь между ними с отточенной ловкостью. Сафия откинула голову, подставляя шею, и издала протяжный стон — громче, чем требовалось. Она играла для Эмиссара, надеясь, что он посмотрит именно на неё. Он смотрел в центр зала.

Маргит взяла лицо Аиды в ладони. Пальцы скользнули по скулам, по вискам, зарылись в чёрные волосы. Она заглянула подруге в глаза — мягко, ободряюще, как смотрят не на клиента, а на дорогого человека.

— Всё хорошо, — шепнула она. — Я рядом.

Аида ответила едва заметным кивком. С/Б вела: дыхание стало глубже, ресницы дрогнули. Пальцы девушки потянулись к поясу на одеянии Маргит — медленно, почти лениво. Ткань поползла вниз, открывая плечи, ключицы, грудь. Рыжая не отставала: её руки скользнули по спине Аиды, распуская завязки одну за другой. Одеяние соскользнуло на пол. Две обнажённые фигуры стояли друг напротив друга в мягком свете ламп.

Маргит обернулась через плечо и бросила короткий, пленительный взгляд на третьего раба, что ждал у края кровати. Тот понял без слов: шагнул вперёд, скинул накидку. Аида повторила жест подруги — взгляд через плечо, долгий, приглашающий. Коренастый мужчина с тяжёлой челюстью приблизился, и его руки легли на бёдра обеих сразу.

Мужчина не ждал приглашения. Он взял Маргит за бёдра, пристроился сзади, вошёл уверенно, с привычной хозяйской хваткой. Рыжая охнула, не от боли, от неожиданности, но тут же выгнулась навстречу. Аида потянулась к нему, и он перехватил её за талию. Рука легла на бедро. Раб притянул девушку ближе, и их губы встретились, мягко, но уверенно. Она ответила. С/Б вела: пальцы пробежали по его плечам,

скользнули по груди, спустились ниже. Он целовал её медленно, со вкусом, пока рука его скользнула с бедра по талии вверх и сжала грудь, крепко, по-хозяйски. Аида выгнулась, издав тихий стон.

Маргит тем временем стояла перед ним на четвереньках, и мужчина брал её сзади, размеренно, глубоко, не прерывая поцелуя с Аидой. Свободной рукой он шлёпнул рыжую по заднице, коротко, звонко, одобрительно. Та охнула и простонала громче, закусив губу. Раб работал с обеими сразу, почти машинально, как делал это десятки раз до того.

Представление смотрелось со стороны как единое целое: семь тел, сплетённых в медленном, тягучем ритме. Свет ламп играл на коже. Тени на стене повторяли каждое движение. С/Б диктовала Аиде ритм дыхания, громкость стонов, изгиб спины. Имитация была безупречной.

Эмиссар смотрел. Лицо оставалось неподвижным, но пальцы чуть заметно отбивали ритм по подлокотнику кресла. Он наблюдал за происходящим как натуралист, изучающий брачный танец редких насекомых: с интересом, но без сопричастности. Он был зрителем. Они — представлением.

А потом дверь выбили. Звук был такой, будто мир треснул. Щепки полетели в стороны. Охранник-мужчина даже не успел повернуться, энергетический разряд ударил его в грудь, и тело рухнуло с дымящейся дырой в рёбрах. Женщина-охранник вскинула оружие, но в комнату уже врывались.

Десять налётчиков. Все в тёмном, с лицами, скрытыми

тканью. Аида переключилась на тепловое зрение. Девять — обычные люди: ножи, дубины, три старых пороховых пистолета, двое с тяжёлыми дубинами. Десятый — коренастый, ниже остальных на голову, температура тела ниже человеческой. Под капюшоном угадывался голубоватый оттенок кожи. В руке — оружие, похожее на атлантйское, пульсирующее бледно-голубым, но грубее, топорнее, собранное явно не на орбитальной платформе.

— Смерть небесным! — крикнул коренастый низким, гортанным голосом.

— Дави всех! — рявкнул кто-то ещё.

Рабы среагировали первыми. Голые, безоружные, но не растерялись. Коренастый, что был с Аидой и Маргит, метнулся к убитому охраннику и выхватил разрядник из мёртвой руки. Вскинул, выстрелил, голубой импульс прожёт грудь ближайшему налётчику. Тот рухнул, не добежав до кресла Эмиссара.

Второй раб, со шрамами — схватил со стола масляную лампу и швырнул в лицо нападавшему. Стекло разбилось, масло вспыхнуло. Налётчик заорал, хватаясь за горящее лицо. Шрамированный тут же врезал ему кулаком в горло, повалил, добил ногой. Третий раб с бородой, подхватил упавший нож и бросился на бугая с дубиной. Принял удар на лезвие, отвёл в сторону, ударил коленом в пах, потом ножом в бок. Бугай взревел и рухнул, придавив бородатого своим весом.

Но налётчиков было больше. Один из них выстрелил в коренастого раба, пуля вошла в плечо, разрядник выпал из руки. Второй ударил шрамированного дубиной по затылку — тот упал лицом вперёд и не поднялся. Третий добил бородастого, придавленного бугаем, коротким ударом ножа в шею. Все трое рабов были мертвы за минуту.

Камешек сдвинулся. Он всегда был молчаливой горой и сейчас просто встал между нападавшими и девушками. Дубина описала дугу, один налётчик отлетел к стене, хрустнув позвоночником. Второй выстрелил из пистолета, пуля застряла в ноге. Камешек даже не шатнулся. Шагнул вперёд и обрушил дубину на стрелявшего. Хруст. Кровь на полу.

— Мочите эту тварь! — заорал кто-то.

Налётчики насели скопом. Один зашёл сбоку и вонзил нож под рёбра. Дёрнул. Ещё раз. Ещё. Огромное тело покачнулась. Второй ударил дубиной по колену — сустав хрустнул, и Камешек рухнул на одно колено. Третий всадил нож в спину. Четвёртый в другой бок. Камешек попытался поднять дубину, рука не слушалась. Рухнул лицом в пол. Кровь потекла по каменным плитам.

Сафия закричала. Долго, пронзительно, на одной ноте. Один из нападавших, грязный, с безумными глазами и ножом в руке, обернулся на крик. Аида узнала его. Тот самый пьяница, с рынка, что приставал к ним утром. Он тоже узнал её.

— Заткнись, шлюха! — рывкнул нападавший и ударил

проститутку ножом в горло.

Крик оборвался. Сафия осела на пол, захлёбываясь кровью. Девушка, мечтавшая о богах, умерла быстрее, чем боги успели заметить.

Эмиссар встал. Он не бежал. Лицо оставалось спокойным, но пальцы уже двигались, быстро, точно, пробегая по наручу на левом запястье. Воздух вокруг дрогнул и загустел, превращаясь в едва заметное мерцание. Силовой щит. Один из налётчиков кинулся с ножом и отлетел, отброшенный невидимой стеной. Эмиссар повернулся, вскинул руку, из скрытого излучателя ударил короткий импульс. Нападавший рухнул с дымящейся дырой в груди.

Но щит не был всесторонним. Мерцание охватывало торс и плечи, оставляя открытыми ноги. Коренастый с голубоватой кожей не бросился в лобовую. Он сместился вбок, молниеносно, по-звериному низко, и ударил снизу — под край щита, в бедро. Эмиссар пошатнулся. Щит моргнул. Коренастый достал кинжал и ударил под рёбра. Раз. Два. Три. После вверху в шею. Быстро, без ярости, методично, как забивают скотину.

— Вот так, небесный, — прохрипел он. — Вот так.

Эмиссар упал на колени. Щит погас. Кровь атлантйца была красной. Такой же красной, как у всех.

Женщина-охранник яростно закричала. Она выстрелила из своего оружия, и голубой разряд прожёт грудь одному из нападавших. Второй выстрел и ещё один рухнул с дымящей-

ся раной. Но оставшиеся налётчики насели скопом. Один выбил оружие из её руки дубиной. Второй ударил ножом в бедро, атлантка пошатнулась. Третий, засадил лезвие под рёбра. Женщина сползла по стене, оставляя кровавый след на штукатурке. Сознание ещё теплилось, но тело больше не слушалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.